

РОВЕСНИК

9
1978

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Сентябрь, 1978 год, № 9

В НОМЕРЕ:

Интервью с заместителем председателя Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям и другие материалы о работе советских людей за рубежом

На первой странице обложки: первого сентября все дети Лаоса пойдут в школу. Это огромное достижение республики, где до 2 декабря 1975 года 60 процентов населения не умело ни читать, ни писать. Теперь учатся дети, учатся взрослые, строятся новые школы. К 1980 году Лаос станет страной всеобщей грамотности.

Фото «НБИ», ГДР

Адрес редакции: Москва, 125015, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 19/VII 1978 г. Подп. к печ. 25/VIII 1978 г. А06207. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1271.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

АДЕН. В новом учебном году в НДРЙ 100 процентов мальчиков и 80 процентов девочек в возрасте семи лет сядут за школьные парты. До 1969 года, когда республика завоевала независимость, в стране не было ни одного высшего учебного заведения, подавляющее большинство населения было неграмотно. В 1975 году был открыт первый университет, который объединил созданные пятью годами раньше факультеты и один новый — факультет права. В создании системы высшего образования НДРЙ помогли Советский Союз, Куба, другие социалистические страны, специализированные организации ООН. Недавно создана школа для детей бедуинов (кочевников). Здесь учится 1500 человек, они получают бесплатное питание и одежду, изучают арабский и английский языки, математику, историю, географию, политические науки, получают агротехнические знания. Они проходят военную подготовку и овладевают промышленными специальностями. Успехи в народном образовании достигнуты благодаря политике Объединенной политической организации — Национальный фронт НДРЙ, которая в своей деятельности руководствуется принципами научного социализма.

ТЕЛЬ-АВИВ. Участники движения «Мир сейчас» собрали 60 тысяч подписей под петицией к правительству, в которой требуют покончить с агрессивной политикой. Преподаватели и студенты учебных заведений Тель-Авива резко осудили политику правительства, заявив, что она «не ведет к миру», «Израиль теряет друзей, растет его изоляция на международной арене».

ВЕНА. Здесь состоялось заседание специальной комиссии по межнациональным монополиям, в работе которой приняли участие представители 77 развивающихся стран. «Отстаивая интересы монополий, которые грабят недра Заира, натовские парашютисты устраивают охоту на «туземцев» в старых колониальных традициях, — заявили политические деятели Африки. — Не жалеют ни женщин, ни детей, ни стариков. Убивают всех, кто думает, что Заир вполне может обойтись без парашютистов из стран НАТО». Одна из заирских оппозиционных организаций — движение Лумумбы — опубликовала заявление, в котором говорится: «Мы стоим перед опасностью того, что в центре Африки будет развязана жестокая и длительная война, подобная той, которая имела место во Вьетнаме».

На снимке: десятки тысяч беженцев из Заира перешли границу Анголы, спасаясь от террора наемников. Врач из Всемирной организации здравоохранения осматривает детей, страдающих истощением.

ПРАГА. В чехословацкой деревне растет число молодых людей со специальным высшим и средним образованием, занятых в сельскохозяйственном производстве. В настоящее время общее число студентов агротехнических учебных заведений превышает 76 тысяч человек. 45 процентов выпускников будут заниматься дальнейшей механизацией трудоемких работ.

Предполагается, что к 1990 году 50 процентов работников этой области производства будут иметь специальную подготовку.

БЕЛФАСТ. В Северной Ирландии молодежные, профсоюзные и другие демократические организации выступили с протестом против нового установления британской администрации, согласно которому жертвы уличных столкновений подвергаются обязательному осмотру полицейскими врачами. Это является грубым нарушением прав человека, открывает возможности для произвола полиции. На практике получается, что пострадавшие остаются без медицинской помощи: полицейский врач является с большим опозданием и видит свою обязанность только в том, чтобы классифицировать вид ранения, а не помочь раненому.

ТОРОНТО. Молодые безработные провели демонстрацию протеста против сотрудничества канадского капитала с чилийской хунтой. Демонстранты установили пикеты возле штаб-квартиры крупнейшей канадской монополии «Норанда», которая после фашистского переворота 1973 года инвестировала в чилийскую горнорудную промышленность 300 миллионов долларов. В Канаде сегодня самый высокий уровень безработицы после «великой депрессии» 30-х годов. «Деньги должны быть вложены в канадскую промышленность на создание новых рабочих мест», — требуют безработные Канады.

БЕРЛИН. Пионерский парк имени Эрнста Тельмана в столице ГДР Берлине — одно из тех мест, где нагляднее всего проявляется забота общества об образовании, здоровье и культурном досуге подрастающего поколения. Этот парк недаром называют «пионерской республикой». Спортивные площадки, мастерские и классы для всевозможных кружков (их больше восьмидесяти), концертные залы, площадки для аттракционов и игр принимают ежегодно более 800 тысяч юных берлинцев и их гостей со всех концов страны, из других государств.

На снимке: юные железнодорожники приветствуют гостей пионерского парка.

ЛОНДОН. Недавно созданная организация «Кампания против молодежной безработицы» предполагает открыть свои центры, где для молодых людей от 16 до 19 лет будут организованы лекции по общеобразовательным предметам, курсы для получения различных специальностей, дискотеки и т. д. Кроме того, ставится задача создать профсоюз молодых безработных. Вся деятельность «Кампании» строится на общественных началах; так, например, лекции будут читать студенты-коммунисты, профессиям обучать активисты соответствующих профсоюзов. Вопрос ставится так, что молодежь должна бороться не только за право на работу, но и за право учиться и работать.

СОЛСБЕРИ. Одна из активисток движения против апартеида, Маргарет Линг, выступила с протестом против незаконных арестов в Зимбабве. Более тысячи крестьян были арестованы и осуждены на длительные сроки тюремного заключения по подозрению, что они давали приют и снабжали продовольствием борцов Патриотического фронта. Сто человек были схвачены на улицах Солсбери, и многие из них бесследно исчезли. Вся их вина заключалась в том, что они симпатизировали Патриотическому фронту. Таким образом, заключает Маргарет Линг, «временное соглашение», подписанное предателями интересов народа Зимбабве, служит расистскому режиму Смита удобной завесой, чтобы скрыть от международной общественности чинимые им беззакония.

НЬЮ-ЙОРК. Шарлотт-стрит — улица в беднейшем районе Нью-Йорка, Южном Бронксе, — стала символом борьбы против политики роста военных расходов и гонки вооружений, которую проводит правительство США. Год назад президент Картер посетил этот район и обещал помощь из федеральных фондов на ремонт жилья, школ, социальные нужды. Но прошел год, и ничего не изменилось. На демонстрацию протеста вышли школьники, безработные строительные рабочие, священники различных религиозных общин, расположенных в этом районе. Хосе Ривера, руководитель профсоюза строительных рабочих, возглавлявший демонстрацию протеста, заявил корреспонденту газеты «Дейли уорлд»: «Этот район выглядит как Вьетнам во время американской агрессии или как Европа после второй мировой войны. А из 55 миллионов долларов, обещанных президентом, не было потрачено и пенни на ремонт и реконструкцию этих развалин».

На снимке: дети Южного Бронкса несут плакаты с требованием сократить военные расходы, проводить политику мира и выделить средства на школы и социальные нужды.

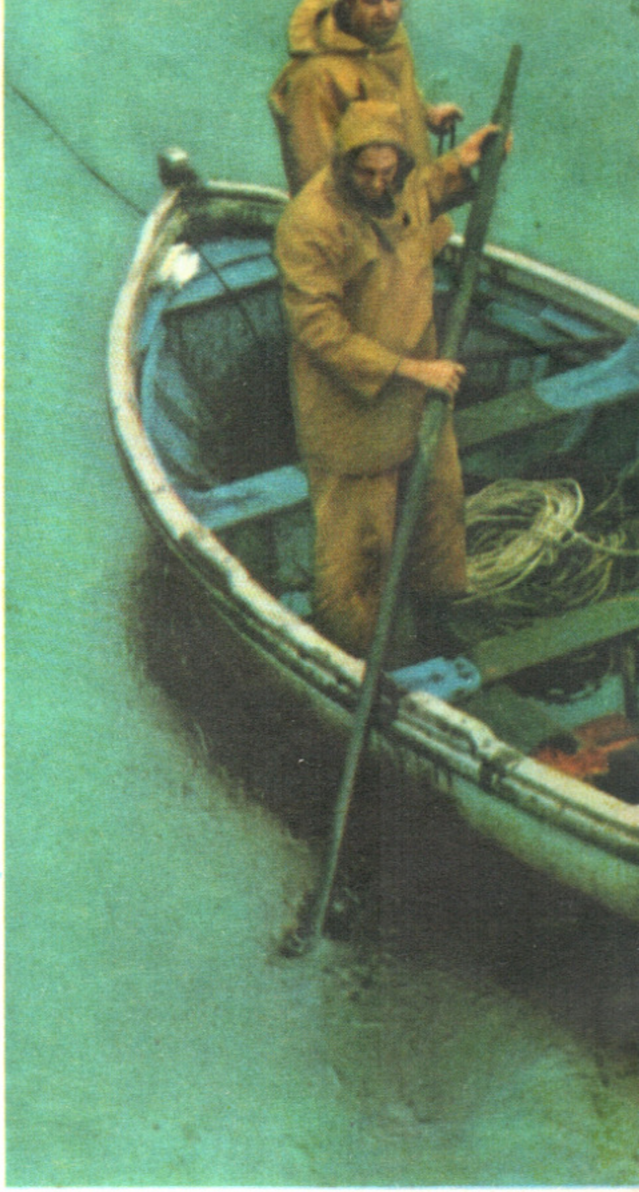

смотрите:

Люди, которых вы видите на снимках, спасают море. Для этого им надо откачать шлангами, вычерпать ведерками и совками 230 тысяч тонн нефти. Что же произошло? История такова. Супертанкер американского судовладельца «Амоко Кадис» перевозил под либерийским флагом нефть, принадлежавшую англо-голландской компании «Шелл». Отказал руль. Запросили помощь. И тут началась торговля — сколько заплатить за эту помощь. Пока владельцы нефти, танкера и спасательного буксира торговались, неуправляемая трехсотметровая махина налетела на риф, раскололась, и вся нефть вылилась в море Ученые полагают, что понадобится не менее пяти лет, чтобы очистить побережье от нефти. На долгие годы остались без работы рыбаки французской провинции Бретань, треть устричных хозяйств Франции залита черной, пахнущей керосином жижей, погибли птицы, занесенные в «Красную книгу», тюлени... Преступная халатность очевидна, но наказаны почему-то все, кроме виновников преступления. Как считают французские журналисты, владельцы нефти и танкера убытков не понесли: и судно и нефть были застрахованы.

Это четвертая за последние годы нефтяная катастрофа у побережья Франции.

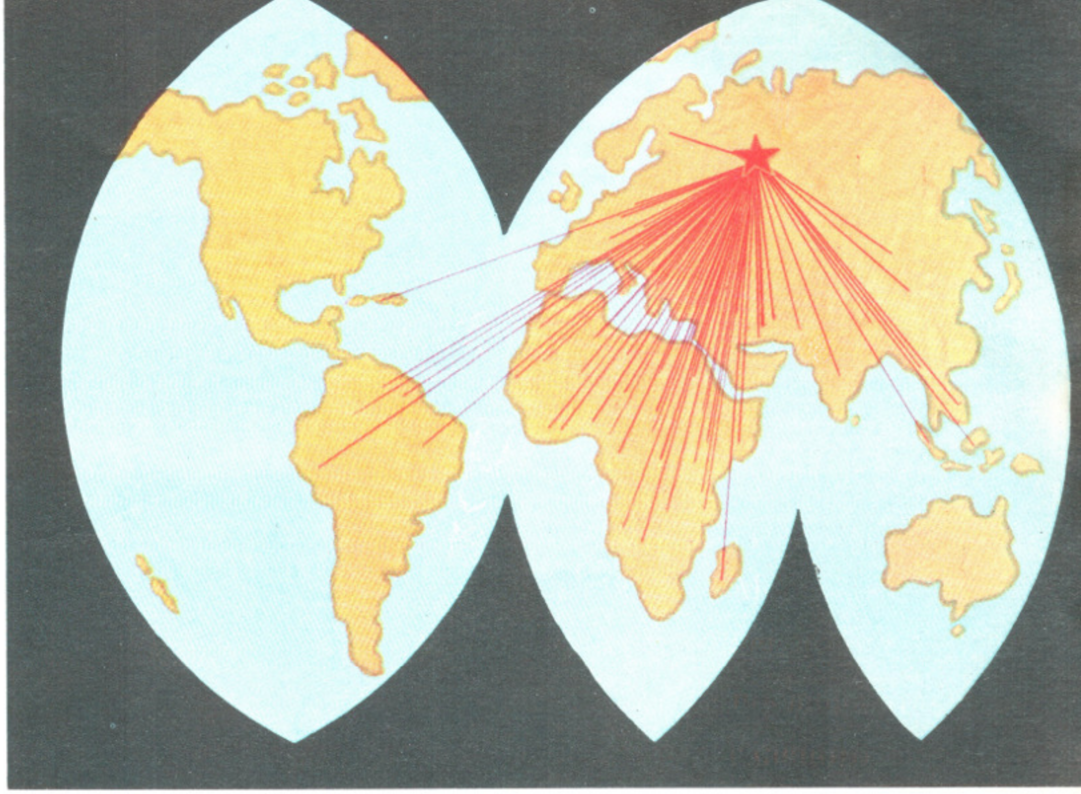
БОЛЕЕ ЧЕМ В СТА ГОСУДАРСТВАХ МИРА ТРУДЯТСЯ НЫНЕ ПОСЛАНЦЫ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ И НА ДАЛЕКОЙ КУБЕ, В ГОРЯЧИХ ПЕСКАХ САХАРЫ И В ДЖУНГЛЯХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, В ИНДИИ И НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ, В САМЫХ РАЗНЫХ РАЙОНАХ ПЛАНЕТЫ ТЫСЯЧИ СЫНОВ И ДОЧЕРЕЙ НАШЕЙ СТРАНЫ НЁСУТ СВОЮ БЛАГОРОДНУЮ ВАХТУ — СТРОЯТ ЗАВОДЫ И ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ, ПОМОГАЮТ ОТКРЫВАТЬ КЛАДОВЫЕ ПРИРОДЫ, ЛЕЧАТ БОЛЬНЫХ И УЧАТ ДЕТЕЙ. НЕРЕДКО ИХ ТРУД — ЭТО НАСТОЯЩИЙ, БЕЗ ШУМА И РЕКЛАМЫ, БЕСКОРЫСТНЫЙ, САМООТВЕРЖЕННЫЙ ПОДВИГ. ПОДВИГ ВО ИМЯ МИРА И ПРОГРЕССА, ВО ИМЯ БРАТСТВА И ДРУЖБЫ НАРОДОВ. ПОДВИГ, КОТОРЫЙ ЕЩЕ БОЛЬШЕ ПОДНИМАЕТ АВТОРИТЕТ НАШЕЙ РОДИНЫ, ПОМОГАЕТ ПОНЯТЬ ПРАВДУ О НАШЕМ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СТРОЕ, О КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ И ИДЕАЛАХ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ.

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из речи на XVIII съезде ВЛКСМ

ПО ДЕЛАМ, ЗА ДАЛЬНИЕ МОРЯ

На вопросы корреспондента «Ровесника» отвечает заместитель председателя Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям Василий Егорович ИВАШОВ.

— Выступая на XVIII съезде ВЛКСМ, Леонид Ильич Брежнев тепло говорил о советских людях, работающих за рубежом, о том, как достойно они представляют нашу социалистическую Родину, нашу мораль и идеалы. Публикуемые вслед за этим интервью материалы содержат зарисовки из повседневной жизни и труда советских специалистов, находящихся в загранкомандировках. Вас, Василий Егорович, мы просим рассказать о размахе экономических связей и сотрудничества СССР с зарубежным миром и о динамике их развития за годы Советской власти.

— Стремление расширять деловые контакты с другими государствами вытекает из самой сути советской внешней политики, так сформулированной в статье 28 нашего Основного Закона: «СССР неуклонно проводит ленинскую политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество».

Ощутить динамику роста наших внешнеэкономических операций за годы Советской власти позволяет такое сопоставление: их объем начиная с 1921 года, который был назван В. И. Лениным «первым годом в деле торгового оборота с заграницей», увеличился более чем в 350 раз — со 181 миллиона рублей до 63,4 миллиарда рублей в 1977 году.

Интенсивное развитие внешних экономических связей — прямой результат быстрого роста нашего народного хозяйства и крупных перемен, которые происходят в мире, успехов политики мира и разрядки. «Мы видим во внешнеэкономических связях эффективное средство, способствующее решению и политических, и экономических задач, — говорил на XXV съезде партии товарищ Л. И. Брежнев. — На путях экономической интеграции укрепляются мощь и сплоченность содружества стран социализма. Сотрудничество с развивающимися странами облегчает перестройку их экономики и общественной жизни на прогрессивных началах. Наконец, экономические и научно-технические связи с капиталистическими государствами упрочивают и расширяют базу политики мирного сосуществования».

С ростом экономического могущества СССР росли, и особенно в последние десятилетия, наши возможности по оказанию содействия молодым независимым государствам. Мы не ищем каких-то односторонних выгод, не охотимся за концессиями, как это делают капиталистические монополии, нам принципиально чужда сама мысль о том, чтобы наживаться на чужом несчастье — хозяйственной отсталости бывших колониальных стран. Наша цель — помочь им поскорее создать многоотраслевую экономику и ее основу — современную промышленность, без которой немыслимо встать на ноги, обрести подлинную экономическую и политическую самостоятельность.

Непосредственное руководство работой по развитию экономического и технического сотрудничества с зарубежными странами осуществляется Государственным комитетом СССР по внешним экономическим связям, или, сокращенно, ГКЭС.

В настоящее время наша страна оказывает такое содействие 78 государствам. О том, как возросли масштабы нашего сотрудничества, можно судить по таким данным: если к 1960 году в различных странах мира при участии Советского Союза было построено 364 объекта, то сейчас их число превысило 2200, в том числе свыше 1600 — в социалистических странах.

Мы стремимся к тому, чтобы экономическое и техническое содействие приносило нашим странам-партнерам максимальную пользу, по-настоящему способствовало развитию их народного хозяйства. Поэтому 80 процентов средств, выделяемых на эти цели, направляются в промышленность, причем упор делается на ключевые отрасли — такие, как черная металлургия, энергетика. Только на эти две отрасли приходится около половины общего объема нашего содействия зарубежным странам. В области черной металлургии СССР сделал для развивающихся стран больше, чем все вместе взятые развитые капиталистические государства за всю историю международных экономических отношений. На построенных при участии СССР металлургических заводах созданы мощности по производству свыше 30 миллионов тонн чугуна, около 34 миллионов тонн стали и более 32 миллионов тонн проката. Чтобы вы могли представить себе масштабы этих показателей, скажу, что в 1976 году было выплавлено стали: в Великобритании — 22,7 миллиона тонн, во Франции — 23,2, в Италии — 23,4. Учтите еще, что черная металлургия в этих странах создавалась в течение многих десятилетий, если не веков.

Заботясь о максимальной эффективности нашего экономического и технического содействия, мы не просто поставляем оборудование и материалы, но и проводим геологоразведочные, проектно-изыскательские и научно-исследовательские работы, командируем специалистов для строительства, монтажа и наладки, эксплуатации объектов.

Развивающиеся страны испытывают острую нужду в собственных квалифицированных рабочих, инженерах, врачах, ученых. Без постановки среднего и высшего образования им не справиться со сложными задачами, встающими в наш век научно-технической революции. И естественно, что Страна Советов, имеющая большой исторический опыт в деле ликвидации неграмотности и выдвижения на передовые рубежи науки и культуры, бескорыстно помогает бывшим угнетенным странам решить аналогичную задачу.

— Какие цели мы ставим для себя, способствуя экономическому развитию других стран? Почему мы сами заинтересованы в этом сотрудничестве?

— Экономическое и техническое сотрудничество выгодно, конечно же, не только нашим партнерам. Во-первых, оно позволяет нам шире использовать преимущества международного разделения труда и

Точки на карте... Каждая из них означает, что в этом месте трудятся советские люди. Вот только четыре из этих точек: порт Гаваны и строительство железной дороги Хомс-Фосфаты в Сирии (верхние снимки), учебная мастерская в районе строящегося канала Тартар — Евфрат в Ираке и ГЭС «Наглу» в Афганистане.

тем самым повышать эффективность нашего народного хозяйства, а значит, и полнее удовлетворять растущие потребности советских людей. Во-вторых, в оплату за оказанное экономическое и техническое содействие Советский Союз получает различные товары. Мы уже получаем или будем получать нефть, газ, стальной прокат, чугун, свинцово-цинковый и медный концентрат, алюминий, глинозем, бокситы, карбамид, длинноволокнистый хлопок, цитрусовые, маслины и многое другое.

Еще одно соображение: экспортные заказы предъявляют повышенные требования к качеству и конкурентоспособности нашей продукции, а следовательно, стимулируют повышение производительности труда и эффективности производства в соответствующих отраслях.

Как видите, экономическое сотрудничество выгодно обеим сторонам, поэтому они стремятся расширять такие связи и дальше. Есть также выгода, которая не измеряется ни в рублях, ни в тоннах. Я имею в виду рост взаимопонимания, дружбы и доверия в международных делах. Трудно переоценить и значение личных контактов, возникающих в процессе общей работы.

— Какие качества ценят наши партнеры в советских специалистах?

— У нас все основания гордиться товарищами, работающими вдали от Родины. Они трудятся там с такой же самоотдачей, любовью к делу, умением, с какими трудились у себя дома. Они стараются работать так, как призвал Леонид Ильич Брежнев на XVIII съезде комсомола, — «работать не просто дисциплинированно и прилежно, а работать на совесть, умело, результативно, работать красиво, чтобы и другие тебя уважали за твой труд, и сам бы ты себя уважал».

И своим честным, порой очень нелегким трудом, высокими профессиональными познаниями наши специалисты, где бы они ни находились, снискали заслуженное уважение со стороны местных коллег.

По советским людям, работающим в зарубежной стране, судят об СССР в целом. Приятно услышать такие, например, слова иранского инженера Али Джаханшахи с Абаданского нефтеперерабатывающего завода: «Все, что вы строите — металлургия, машиностроительные заводы, рудники и шахты, — работает нормально. Мы, инженеры, обрадовались, прочитав в газетах, что и вторую нитку газопровода в Астару будут строить русские... Западные фирмы в погоне за прибылью нередко выполняют работы недобросовестно. Примеров тому можно привести сколько угодно».

К нам приглядываются, нас сравнивают, это естественно. Вот что говорит начальник техотдела Организации больших проектов Сирийской Арабской Республики А. Азуз: «В отличие от специалистов из западноевропейских и других капиталистических стран советские специалисты — это именно друзья, оказывающие нам бескорыстную помощь».

Да, именно бескорыстную. Это у наших людей, можно сказать, в крови. Они и на зарубежных стройках остаются такими же, какими мы привыкли видеть их у себя дома, — работящими, знающими, не пасующими перед трудностями и всегда готовыми помочь другу советом, поделиться опытом. Эти качества не остаются незамеченными. «Здесь я подружился с замечательными людьми, с советскими друзьями, — говорит бригадир монтажников с Евфратского гидроузла Н. Сован. — Здесь я своими глазами убедился, как самоотверженно помогает великий Советский Союз молодым развивающимся государствам быстрее и тверже встать на ноги».

— Очевидно, местные коллеги присматриваются и к нашим методам организации трудового процесса, к нашим принципам отношений между людьми на производстве, в том числе к такой укоренившейся у нас трудовой традиции, как социалистическое соревнование?

— Действительно, наши коллеги охотно изучают наш организационный опыт, нередко перенимают его, и не без успеха. Это касается и соревнования.

Если говорить о социалистических странах, то я остановлюсь кратко на сравнительно новой форме трудового соперничества — совместном социалистическом соревновании.

Например, в декабре 1977 года в Гаване был подписан протокол о совместных советско-кубинских социалистических обязательствах по повышению эффективности работы тростниково-уборочных комбайнов. В этом соревновании учитываются два основных показателя: производительность каждого комбайна во время сафры и эффективность эксплуатации техники. Кроме того, советские специалисты обязались оказывать кубинским товарищам помощь в техническом обслуживании и ремонте комбайнов и в повышении квалификации 400 комбайнеров и 250 механиков.

В последние годы комсомольские и молодежные коллективы разных стран все чаще заключают договоры о дружбе и сотрудничестве. Такой договор действует, например, с 1977 года между комсомольской организацией внешнеторгового объединения Техностройэкспорт и первичной организацией Союза свободной немецкой молодежи внешнеторгового предприятия ГДР Индустриэнлагенимпорт. Молодежь обеих организаций соревнуется за повышение качества и эффективности труда, за выполнение взаимных контрактных обязательств по объектам межправительственного соглашения, обменивается опытом работы по трудовому, нравственному и идеологическому воспитанию молодежи. Немецкие коллеги объявили строящийся в городе Десау комбинат панельного домостроения комсомольско-молодежным. В свою очередь, наши комсомольцы организовали «кольцевой комсомольский контроль», который охватил и проектные институты и заводы, поставляющие оборудование для завода в Десау. Сейчас комсомольцы Техностройэкспорта ведут переговоры по заключению подобных договоров с молодежными организациями предприятий в Венгрии и Польше. Совместные социалистические обязательства регулярно принимают советские и чехословацкие строители метро в Праге.

Вкус к соревнованию, в том числе и совместному, интернациональному, уже прививается и в некоторых развивающихся странах. Так, в марте 1974 года зародилось производственное соревнование на строительстве Евфратского гидроузла в Сирии.

В канун 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции Ф. Махдеси, директор по освоению массива Мескене в Сирийской Арабской Республике, направил телеграмму министру мелиорации и водного хозяйства, в которой говорилось: «Советскими специалистами, оказывающими интернациональную помощь сирийскому народу, совместно с сирийскими специалистами и рабочими приняты советско-сирийские производственные обязательства о досрочном завершении работ по изысканиям на массиве Мескене. В канун великого праздника мы рады сообщить Вам, что изыскания на площади в 220 тысяч гектаров массива Мескене досрочно закончены и по ним составлены отчеты. Таким образом, совместные производственные обязательства полностью выполнены. Мы просим считать это нашим совместным трудовым подарком в честь 60-й годовщины Великого Октября и скромным вкладом в дело развития советско-сирийского сотрудничества».

Как видите, знакомство с нашим, социалистическим укладом жизни, нашими морально-этическими и трудовыми критериями не проходит бесследно для наших зарубежных коллег. А проще говоря, у нас становится больше друзей. Хорошо сказал об этом Леонид Ильич Брежнев во время своего визита несколько лет назад в Индию: «Когда перед молодой Индийской Республикой в качестве актуальнейшей задачи стала задача создания современной экономики, индустриализации страны, Советский Союз оказал ей в этом посильную поддержку — и поставками оборудования в кредит, и посылкой своих специалистов, и содействием в подготовке национальных кадров... Именно в совместных конкретных делах такого рода, как нигде, куется реальная дружба советских людей и индийцев — дружба людей труда, и нет ничего более прочного и бескорыстного, чем эта дружба».

— И последний вопрос. Скажите, Василий Егорович, можете ли вы выделить какие-то предприятия, вузы, особенно зарекомендовавшие себя тем, что их посланцы всегда специалисты самого высокого класса?

— Вы, по-видимому, имеете в виду прежде всего молодых специалистов? Так вот, ими действительно можно гордиться. Это люди высокой культуры, знатоки своего дела, на них можно положиться в любом деле — не подведут. Выделять какие-то отдельные предприятия или институты, я думаю, было бы несправедливо. На десятках и сотнях заводов трудятся комсомольцы, выполняющие экспортные заказы. Своей отличной работой они вносят большой и нужный вклад в своевременное и качественное выполнение обязательств нашей страны в области внешней торговли и экономического сотрудничества с зарубежными государствами. Их товарищи, работающие за рубежом, тоже с честью держат марку родных предприятий. Они понимают, что по ним судят о нашем укладе жизни, о моральном кодексе строителя коммунизма. В связи с этим особо хотел бы сказать о самых юных наших специалистах за рубежом — переводчиках. На них лежит очень интересная, но и ответственная обязанность — служить живым мостом между советскими людьми и их иностранными коллегами. Тут одного знания языка никак недостаточно — надо быть и эрудитом и психологом. От переводчика ведь часто зависит, как поймут друг друга люди совсем разных идеологий, воспитания, традиций. Так что он находится на самой что ни на есть передовой линии. И мне приятно отметить, что вузы Москвы и Ленинграда, Киева и Минска, других городов и их партийные и комсомольские организации выпускают толковых, настоящих переводчиков, хороших представителей и пропагандистов нашего, советского образа жизни.

Заключить нашу беседу я хотел бы вместо резюме короткой справкой: на протяжении только одного 1977 года 496 советских специалистов, работающих за границей, в том числе и посланцы ВЛКСМ, были отмечены советскими правительственными наградами и 790 — орденами и медалями зарубежных стран. А награды зря не выдаются, вы согласны?

«Я ПРОСТО ХОТЕЛ БЫТЬ ТАКИМ, КАК ОНИ»

Горы прижимали нас к пропасти, до краев наполненной густым молоком утреннего тумана и облаков. «Опять стою на краешке земли...» Слова из знакомой песни невольно всплывали в памяти каждый раз, когда наш «газик», скользивший по размокшей красной глине, заносило к самому обрыву.

Потом начался спуск в долину. Туманно-облачное молоко выкипело. Взору открылись террасы рисовых полей, сбегавшие по склонам гор к крестьянским хижинам. Вокруг домиков раскинули свои пышные кроны кокосовые пальмы и банановые деревья с большими — по метру-полтора — листьями и гроздьями спелых плодов. На берегу прозрачной речушки стоял розовый буйвол-альбинос. Босоногий мальчонка с черными как уголь глазами сидел на нем верхом и высвистывал на бамбуковой дудочке какую-то мелодию.

Кроме этого мальчонки, вокруг не было видно ни одного человека. Мы остановились, чтобы немного отдохнуть и полюбоваться великолепным пейзажем. Мальчишка перестал играть и посмотрел в нашу сторону. Потом вдруг проворно съехал по гладкому розовому боку буйвола на землю и с криком: «Советские! Советские приехали!» — устремился к нашей машине.

Откуда они все появились, понятия не имею. Но через несколько минут нас окружили человек пятьдесят — мужчины, женщины, старики, дети. «Советски — карашо! Зра-сву-те! То-ва-лис! Как вам зо-вут!» Все наперебой начали вспоминать русские слова, которые когда-то слышали. А мальчонка с бамбуковой дудочкой гордо всем сообщал, что это он первый заметил советских. И вдруг, остановившись около нас, заиграл на своей дудочке... «Катюшу». А одним глазком поглядывал на нас: разберем, что играет, или нет? Признаться, мы не сразу ухватили мелодию, потому что маленький музыкант исполнял ее небезукоризненно (а может быть, это была его «авторская» обработка?). Но тем не менее я услышал с детства знакомый мотив.

— Где научился? — спросил я парнишку.

— Геологи здесь были. Советские. Полезные ископаемые помогали нам искать, — серьезно объяснил тот.

Я потом часто вспоминал эту свою командировку в северную вьетнамскую провинцию Каоланг. За четыре года журналистской работы я исколесил весь Вьетнам. Ни одна командировка не обходилась без подобной сценки. Но тогда, в Каоланге, это было в первый раз и потому запомнилось в деталях.

Мой собеседник, по профессии геолог, отпил маленький глоток ароматного зеленого чая и задумчиво улыбнулся.

— Чему ты улыбаешься, Туан? — спросил я.

— Мальчишка с дудочкой на буйволе — это я. Ты мне напомнил мое детство. Все было так или почти так, как ты сейчас

ВЛКСМ 60 ЛЕТ

рассказал. Я ведь тоже родом из тех мест. Только из соседней провинции. Горы. Разнокшая красная глина, небольшая деревенька. Так же неподалеку от домов остановился «газик», из него вышли иностранцы, мы всей деревней побежали к машине. Это были ваши геологи. Они жили у нас год. По утрам с небольшими рюкзаками уходили в горы, а вечерами... — Туан снова улыбнулся. — Это были изумительные вечера. Уж больше двадцати лет прошло с тех пор, а я их помню так хорошо, будто все это происходило совсем недавно. Мы, десяти-двенадцатилетние мальчишки, не могли дождаться того момента, когда от палатки, или, как мы ее называли, «советского домика», начнут доноситься звуки гитары. Мы неслись туда как угорелые и, усевшись поодаль, слушали незнакомые, но такие приятные мелодии. Помнится, в первый вечер они поиграли на гитаре, попели, а потом позвали нас пить с ними чай. Нас было человек десять. Кружек, разумеется, на всех не хватило, но никто из нас не захотел идти за ними в деревню. Каждый думал, что в его отсутствие здесь может произойти что-то самое интересное, самое главное. Так и пили по очереди. Я тогда впервые попробовал сахар. А позже председатель общины как следует нас отругал. Оказывается, геологи в первый же вечер раздали нам весь сахар, который привезли с собой. На следующий вечер они угощали нас мясными консервами, и так было несколько дней подряд. Их запасы здорово поубавились, а продукты им завезли только через полтора месяца. «Советский домик» вскоре стал чем-то вроде деревенского клуба. Туда приходили не только мы, но и ребята постарше, и взрослые. Геологи организовали кружки. Один из них стал учить желающих русскому языку, второй — играть на гитаре, а третий — рисовать. А по воскресеньям они гоняли с нами в футбол, позже привезли из Ханоя волейбольную сетку, шахматы, комплекты для настольного тенниса, и появился еще один кружок — спортивный. Мы удивлялись их энергии. Они уходили в горы с рассветом, а возвращались затемно. Председатель общины как-то сказал, что нельзя отнимать столько времени у советских товарищей, что им нужен отдых и что кружки придется закрыть. Потом он пошел в «советский домик», чтобы сказать об этом геологам. Куда там... геологи и слушать не хотели, что он им говорил, и председатель в конце концов разрешил нам продолжать занятия. Геологи были мастерами на все руки. Готовили себе еду, чинили одежду, вырезали из дерева фигурки, пели, плясали. Мы просто были в них влюблены. Старались во всем им подражать — походке, манере держаться, даже интонациям голоса. А больше всего нас удивляло, что они каждый вечер появлялись перед нами в чистых, наглаженных рубашках. Казалось бы — зачем? Глухая деревня, никто их не видит. Да и времени сколько нужно — постирать, погладить. Когда они все успевали? Но вот этот штрих в деревне сразу отметили. А через некоторое время к ним стали приходить парни повзрослей — одолжить утюг.

Туан налил мне и себе горячего чаю.

— Тот год, наверное, и повлиял на мою судьбу, — сказал он. — Был шофером, строителем, переводчиком. За тот год я немножко научился говорить по-русски и потом уже постоянно занимался сам. Но в конце концов стал геологом. Один из тех троих — Валентин его звали — спросил меня как-то, кем я буду, когда вырасту. Я ответил: геологом. Я иногда ходил с ними в поле — помогать. Тогда меня еще не сама профессия привлекала — что я понимал в свои двенадцать лет. Я просто хотел быть таким, как они.

Теплоход «Туркестан» много раз приходил в порт Хайфон с грузами для братского Вьетнама. В войну он получил здесь боевое крещение. В 1967 году, когда теплоход стоял на рейде неподалеку от города Камфа, его атаковали американские самолеты. Во время этой бомбардировки погиб механик судна — Николай Рыбачук. Погиб, выполняя свой интернациональный долг.

Это были годы моей первой командировки во Вьетнам, и в памяти осталась эта трагедия. Скорбная весть, прилетевшая в Ханой, траур в советской колонии, возмущение наглыми действиями воздушных пиратов, посмевших напасть на иностранное гражданское судно...

В конце августа 1975 года я был в Хайфоне как раз в те дни, когда «Туркестан» в последний раз пришел к вьетнамским берегам под советским флагом. Советское правительство приняло решение передать теплоход в дар вьетнамскому народу. Нас, советских журналистов, пригласили на торжественную церемонию передачи судна. Перед сменой флагов советский и вьетнамский экипажи почтили минутой молчания память механика Рыбачука около его бывшей каюты. На стене каюты были сохранены следы от бомбовых осколков. Их решили оставить как память о тех суровых и тяжелых годах.

Я вспомнил «Туркестан» потому, что мой собеседник именно в те годы работал переводчиком в хайфонском порту.

— Ты помнишь тот случай, Туан?

По лицу Туана пробежала тень, на мгновение жесткой стала линия губ.

— Такое не забывается, — тихо отозвался он. — Мне приходилось два раза работать на «Туркестане», и я немного знал Рыбачука. Он показался мне сначала замкнутым. А однажды у входа в порт я увидел, как он присел на корточки перед каким-то малышом, гладил его по голове, угощал то ли печеньем, то ли конфетами и что-то говорил. И самое удивительное было то, что малыш его понимал. Он кивал головой и улыбался. Казалось бы, ничего особенного. Но эта сценка меня поразила. И вот почему. В войну наши дети были издерганными, нервными, настороженными. Увидев иностранца, они сразу же давали стрекача. Мало ли что. Все-таки рядом порт, откуда им знать, чьи корабли туда заходят. Да и родители часто предупреждали: не ходите к порту, не заговаривайте с незнакомыми людьми. А тот малыш так спокойно стоял около Рыбачука, будто они были давно знакомы. Я еще потом спросил у Рыбачука, откуда он, мол, знает того мальчика. «Первый раз вижу», — говорит. Значит, было в нем что-то такое — уж не знаю что, во взгляде ли, в голосе, — что мальчонка ему поверил. Дети ведь очень чутко всегда реагируют и на добро и на зло.

Ваши моряки вообще вызывали у нас восхищение своим спокойствием, невозмутимостью. Многие из нас внимательно присматривались: как они поведут себя в боевых условиях. О тех, кто постарше, не было речи. Они прошли войну и повидали столько, что нам и не снилось. А вот молодежь, которая выросла в мирное время? Помню, познакомился с одним матросом, Саша его звали. Тогда ему было лет двадцать. Первый раз вышел в море и сразу же попал во Вьетнам. А познакомились мы с ним, потому что он очень интересовался нашими обычаями. Что ни шаг, вопрос: что да как, почему? Я его спрашиваю: «Саша, зачем тебе такие подробности?» А он отвечает: мол, приеду домой, земляки спросят, что видел во Вьетнаме. «Не буду же я им газеты читать. Поэтому мне нужно знать все, и не в общих чертах, а досконально». Если, говорит, человек чем-то интересуется, то он должен знать это по-настоящему, серьезно, у нас болтунов не любят. Ну так вот, судно их разгрузилось и должно было вот-вот отойти, а Саше дали какую-то срочную работу. Уж не помню какую, но нужно было ее обязательно выполнить до ухода. Я как раз был на корабле, и началась бомбежка. Гляжу, Саша голову кверху поднял, посмотрел на самолеты и опять за свое дело принялся. Я ему говорю: «Бомбежка, прятаться надо». А он так спокойно мне в ответ: «Война ведь, потому и бомбежка. Они у вас почти каждый день. Что ж теперь, работу бросать из-за этого?» Я ему говорю: «Война-то наша, не можем мы допустить, чтобы вы на ней погибали. А если тебя осколком заденет?» А он мне отвечает: «Ничего подобного, не ваша это война, а наша общая». Пока мы с ним препирались, налет кончился. Бомбили где-то в стороне, и все обошлось благополучно. Я, каюсь, нажаловался на него тогда капитану. А в душе восхищался. Конечно, поступок его был несколько легкомысленным. Но тем не менее он доказал, что в трудную минуту на него можно положиться. Такой человек не подведет, не оставит товарища в беде. Да и вообще одно то, что ваши корабли во время войны регулярно доставляли нам грузы, говорит о многом. Все-таки вы в своей стране занимались мирным строительством, а здесь шла война. А на войне, как говорят, все случается. Трагический случай с Рыбачуком не единственный. Но ваши моряки изо дня в день демонстрировали выдержку, мужество. Я не боюсь скатиться на лозунги, если скажу: это придавало нам силы. Мы осязаемо чувствовали, что мы не одни. Как у вас поют: «Друг — это третье твое плечо...» Прекрасная, кстати, песня.

— Моряки научили?

— Нет, в Москве выучил, когда ребята в общежитии пели. Я теперь столько ваших песен знаю... Студенческие, целинные. Как соберемся в праздник или еще по какому случаю, так мне весь вечер покоя не дают: бери гитару и пой советские песни.

Туан мечтательно прикрыл глаза.

— Москва...

— Часто вспоминаешь?

Он усмехнулся.

— Хотел бы я знать, кто из побывавших там не вспоминает ее и не хочет побывать снова...

Из письма выпускника Московского университета Данг Минь Тханя своему бывшему сокурснику, а ныне инженеру-химику Виктору Хмелеву:

«Дорогой Виктор!

Сразу извини, если у меня получается не очень по-русски. Но я стараюсь. Прошло уже столько времени после нашего последнего экзамена, а мне все время думается, что это было просто на последней неделе. Так хорошо запомнил эти дни, и в общем все время, когда учился в Москве, помню очень хорошо. Просто не могу забыть и вспоминаю с удовольстви-

ем. Сейчас я понимаю, что Москва для меня как второй родной город после Ханоя. Ты и остальные ребята в нашей группе помогли мне почувствовать, что я нахожусь не в другой стране, а как дома. Все это было необыкновенно. И я даже не умею выразить все свои чувства, когда вспоминаю о нашем житьё-бытьё, как ты часто говорил. Не знаю, как изменить это слово, чтобы было правильно по-русски. Я снова хочу написать тебе спасибо за то, что ты для меня сделал, и передай это всем другим ребятам, если увидишь. И обязательно передай всем нашим преподавателям. Они столько отдали мне сил и много времени. Передай им обязательно, что все не зря. Все знания я отдаю родине. Часто скучаю по нашему общежитию. Хорошо, если бы еще раз прожить снова все эти годы — наши занятия по вечерам, воскресные поездки. Дорогой Виктор, у меня все хорошо. Работаю, женился. Посылаю тебе нашу фотокарточку. Очень жду, что ты ответишь, расскажешь, как живешь, как работаешь. Обязательно пиши. Я очень жду.

Твой друг Тхань».

Куда бы ни забросили меня мои журналистские дела, всюду находились люди, окончившие советские вузы, профессионально-технические училища Москвы и Ленинграда, Ташкента и Киева, Минска и Свердловска... И первые слова, которые я слышал от них, были слова благодарности тем, кто помогал им осваивать специальность, учиться. Регулярно в майские дни советское посольство в Ханое устраивает встречу с выпускниками высших учебных заведений СССР. Была такая встреча и в нынешнем мае. Двадцать шесть лет назад первая группа вьетнамских студентов поехала учиться в СССР, а теперь в посольство пришли отметить эту годовщину выпускники советских вузов, ныне видные государственные и общественные деятели Социалистической Республики Вьетнам, профессора, инженеры, писатели, журналисты, преподаватели. Около двенадцати тысяч вьетнамских граждан за эти годы окончили высшие учебные заведения, почти двенадцать тысяч учились в профессионально-технических училищах, проходили производственную практику на заводах и фабриках в нашей стране. И снова во всех выступлениях участников встречи звучало: «Огромное спасибо Стране Советов за братскую, бескорыстную помощь».

Туан подошел к своему письменному столу, вытащил из ящика фотографию и положил передо мной.

— *Это я сфотографировался с ребятами из своей группы, когда учился в Москве,* — *пояснил он.* — *Удивительные ребята. Если бы ты знал, сколько они для меня сделали! Первое время в Москве мне было трудновато. Хоть я и работал переводчиком, но, когда начал учиться, начались сложности с русским языком. Специальные дисциплины, незнакомая лексика. Москвы я не знал, знакомых еще не было, поэтому вечерами сидел один в общежитии. И вот как-то через неделю после начала учебы приходят ко мне двое ребят и одна девушка из группы и говорят, что с сегодняшнего дня они берут надо мной шефство. «Как — шефство?» — не понял я. «А так, — отвечает один из них, Саша, — Рая будет совершенствовать твой русский, Валентин будет отвечать за культурные мероприятия, а я за твою спортивную подготовку». С тех пор мы все делали вместе: готовились к занятиям, ходили в театры, музеи, на выставки, ходили в походы во время каникул. Первый год Рая занималась со мной русским языком почти каждый вечер. А ребята, если собирались куда-нибудь, обязательно звали меня. Я както спросил, не в тягость ли я им. Все-таки иностранец, им, наверное, хотелось бы побыть в кругу своих друзей, а они столько тратят на меня времени. «Ну какой же ты иностранец, Толя?* — *удивился Саша. (Они меня Толей звали. У нас почти каждый студент, который учился в Советском Союзе, выбирал себе какое-нибудь имя — русское, узбекское, грузинское — в зависимости от того, где учился.)* — *Ты свой парень. Но если тебе с нами скучно, другое дело». Они тогда здорово обиделись на меня, отругали за такие мысли и потащили на футбол. Больше я, конечно, таких разговоров не заводил. Это были настоящие друзья. Когда я лежал в больнице, они проводили там все свободное время. Завалили меня фруктами. А Рая каждый день стала ездить за город к родителям и привозила мне молоко прямо из-под коровы. Это меня ужасно смущало. Родители ее жили километров за пятьдесят, и каждый день ездить в такую даль утомительно. Я ей как-то сказал, что мне здесь дают молоко. А она отвечает: «В городе молоко не то, что деревенское. Тебе нужно поправляться, набираться сил. Так что пей и не валяй дурака». Такие вот были эти ребята. Бескорыстные, искренние, щедрые. И очень скромные. Я после выздоровления рассказал руководству землячества вьетнамских студентов, как они обо мне заботились, и товарищи из руководства пришли на факультет, попросили декана объявить им благодарность. Так мои друзья меня потом отругали. Особенно возмущалась Рая. «При чем здесь благодарность,* — *говорила она,* — *если речь идет о дружбе?» Уже сколько лет прошло, а мы все продолжаем переписываться. И, как приезжает из Союза новая партия специалистов, мне все кажется, что увижу их. Так хочется снова встретиться! Мне много приходится сейчас работать с вашими товарищами. Смотрю на них и вспоминаю Сашу, других ребят. Вроде и люди разные, и возраст разный, а похожи. Я долго думал* — *чем? И наконец понял: широтой души и умением делать любое дело, полностью отдаваясь ему. Трудолюбием, напористостью, принципиальностью. У нас в стране очень высоко ценят эти качества.*

Из беседы с экономическим советником в СРВ Ф. И. Клейменовым:

— За последние двенадцать лет более двух тысяч наших специалистов награждены вьетнамским правительством медалью «Дружба». Но дело даже не в цифрах. Дело в другом. Вьетнамцы — это люди, прошедшие войну, люди, видевшие в своей жизни много горя. Они скупы в проявлении внешних эмоций, скупы на похвалу. Но о наших специалистах они отзываются так, что хоть садись и пиши роман. Я много раз присутствовал на торжественных церемониях вручения медали «Дружба», и каждый раз не мог без волнения слушать слова, сказанные в адрес наших специалистов. Так тепло, так задушевно отзываются о наших людях вьетнамские друзья! И каждый раз меня переполняет гордость: ведь это мои соотечественники! Может быть, это будет немного нескромно, но я скажу: они заслужили похвалу. Ведь трудятся они в нелегких условиях: тропики, сорокаградусная жара, порой трудности с питанием. Но они по-братски делят все трудности послевоенной жизни со своими вьетнамскими коллегами. И, несмотря ни на что, честно и добросовестно выполняют свой долг. И меня не удивляют частые просьбы вьетнамских товарищей оставить того или другого специалиста на второй срок. Прямо так и говорят: мы без него обойтись не можем. Какая похвала выше этих простых слов?

— *Так вот, о настойчивости,* — *продолжает Туан.* — *Здесь работала группа геофизиков во главе с Мурзиным Юрием Михайловичем. Они просто делали чудеса. Когда были закончены проектные работы и группа приехала во Вьетнам, многие не верили, что в наших условиях они смогут проводить исследования. Оборудование совершенно не приспособлено к вьетнамским особенностям. Рисовые поля, топкая, болотистая земля. Мы, честно говоря, очень сомневались. А Мурзин сказал: «Будем проводить исследования, будем приспосабливать оборудование». И представляешь, за полгода они сделали почти невозможное. Ночами не спали, выдумывали, пробовали. В группе был электромеханик, Николай. Он мог отремонтировать любую аппаратуру. Проложили как-то кабель для взрывных работ под землей километров пять. Где-то оборвалась одна жилка, и работы остановились. Что делать? Ждать, пока привезут обрывоискатель из Союза? Долго, время не ждет. Так Николай сделал его за несколько дней. Спроси меня, из чего, так я честно скажу: не знаю. А обрывоискатель работает. Или другой парень, Олег, старший инженер. Просто талант. У кого что-то не клеится, все бегут к нему. И каждому он дает дельный совет: и топографам, и взрывникам, и буровикам. И разбирается он во всех областях не в общем, а досконально, до мельчайших деталей. Как может столько знаний умещаться в одном человеке? А главное, что он ничего не скрывает, рассказывает нам все секреты своей работы. Я это к чему говорю? Был как-то на юге. Там тоже ваши специалисты есть. Так вот местные товарищи удивляются. До освобождения на юге искать нефть и газ помогали французы. Ничего не говорили о своей работе. Боялись, что их ценность как специалистов упадет. А ваших товарищей такие соображения не волнуют. Все, что они знают, становится нашим достоянием. Вот это подлинная помощь. Группа Мурзина была просто кузницей наших кадров. Восемьсот человек работали с ними. Инженеры, технические работники, квалифицированные рабочие. И каждый, поработав с вашими товарищами, стал классным специалистом.*

— *Туан,* — *прошу я своего собеседника,* — *а когда же ты расскажешь мне о себе? Мы ведь и встретились для этого.*

— *Так я и рассказываю о себе,* — *удивляется Туан.*

— *Ты мне рассказываешь не о себе, а о наших людях.*

— *А у меня столько связано с ними, что другой жизни я себе и не представляю. И потом, что обо мне рассказывать? Служил в армии, работал переводчиком, геологом.*

И Туан снова начал говорить о том, как встреча с нашими советскими парнями повлияла на всю его дальнейшую судьбу.

Андрей ЛЕВИН,
корреспондент
«Комсомольской правды» в СРВ —
для «Ровесника»

Ханой — Москва

«БАЛЧА-ГОСПИТАЛЬ», КАБИНЕТ 12

Аддис-Абеба, 26 июля 1896 года (по старому стилю)

У подножия холма Энтото, увенчанного белостенным дворцом, вдоль пыльной широкой дороги застыли шеренги воинов. Над их головами колыхались знамена с изображением льва. Обливаясь потом под яростным солнцем в парадных накидках из львиных шкур, офицеры посверкивали кривыми саблями и серебряными орнаментами щитов. Все взоры устремлены были на дорогу из Харара. Не ради заморского монарха, или президента, или высокого посла устроена была эта пышная встреча. Эфиопия принимала санитарный отряд российского Общества Красного Креста.

В России давно зародился интерес к Эфиопии, к ее христианской культуре. Интерес этот подогревался и тем, что в этой стране родился прадед Пушкина — арап Петра Великого, Ибрагим Ганнибал. И когда в Россию пришло известие о том, что в кровопролитной двухдневной битве у стен Адуа в Эритрее 1—2 марта 1896 года Эфиопия наголову разгромила итальянский колониальный корпус, оставшись единственным на всю Африку независимым государством, русский Красный Крест решил немедленно направить туда санитарный отряд для оказания помощи раненым. 25 марта отряд отбыл из Петербурга в Одессу. Дальше путь его лежал морем в Александрию, Джибути, а там через пустыни и горы на мулах и верблюдах в Аддис-Абебу.

Отряд добирался до места назначения с огромными трудностями из-за препятствий, которые всеми способами — от дипломатических до военных — чинила ему Италия (итальянским историкам и по сей день неловко вспоминать об этом, тем более что русский Красный Крест собирался направить еще отряд в Эритрею для оказания помощи раненым итальянцам, а Рим высокомерно отверг это предложение). Но вот долгий путь позади, и в усадьбе, отведенной русским, начал работать госпиталь.

Этот госпиталь, по воспоминаниям современников, спас жизнь тридцати тысячам эфиопских патриотов. Сам император Менелик II пять раз присутствовал на операциях, безропотно подчиняясь всем положенным в этих случаях правилам антисептики. «Москоп хакимы» («врачи из Москови») пробыли в Аддис-Абебе до 8 октября. Провожали их так же торжественно, как встречали, с военным парадом и барабанным боем. Но с печалью, иные же, исцеленные, — со слезами на глазах. Прогремели двенадцать пушечных залпов. Госпиталь со всем своим оборудованием, медикаментами и лагерным имуществом перешел в дар народу Эфиопии. Но самое главное — русские оставляли своих учеников, первых настоящих врачей-эфиопов.

Аддис-Абеба, 20 сентября 1975 года

Из здания аэропорта Боле вышла группа людей, которую таксист или носильщик любого аэропорта мира безошибочно разделил бы на встречающих и прибывших. Даже при отсутствии явной приметы (у прибывших в руках цветы, у встречающих чемоданы) всегда можно опознать встречающего по излишней предупредительности и суетливости, будто он опекает больного. Приезжий определяется в этом случае методом исключения.

Новичков было трое, три молодые жен-

щины. Группа уселась в поджидавшие автомобили и отбыла в направлении города. Вскоре замелькали за окнами одноэтажные домики. Но вот справа от дороги показалось красивое высокое здание. «Дом Африки», — поясняют старожилы, — здесь проходят важные международные встречи». Это действительно знаменитый дом, своего рода символ того уважения, которым Эфиопия всегда пользовалась у народов Африки за то, что первой на континенте сумела отстоять свою независимость.

Первое мимолетное прикосновение к городу с поэтичным названием Новый Цветок (так переводится с амхарского Аддис-Абеба). Здесь новичкам предстоит прожить не один и не два месяца. Им предстоит стать свидетелями бурных событий, начавшихся за год до их приезда со свержения монархического режима 11 сентября 1974 года. Они будут узнавать из газет и рассказов людей об энергичных усилиях революционной власти — Временного военного административного совета — по перестройке всей жизни в стране на новых принципах. Они застали эту древнюю страну в самом начале пути, целью которого объявлен переход от феодализма к социализму. Национализация банков и важнейших промышленных предприятий, радикальная аграрная реформа, а также введение «Закона о труде», провозглашающего право рабочих на труд без эксплуатации и справедливую оплату, право женщин на равную оплату, 8-часовой рабочий день — вот первые успехи народно-демократической революции в Эфиопии.

По роду своей работы эти три женщины будут каждодневно прикасаться к человеческому несчастью (они медики). Наследие старого режима Эфиопии откроется им своей страшной стороной — эпидемическими болезнями, с которыми давно покончено в развитых странах, удручающей неосведомленностью многих пациентов в вопросах санитарии и гигиены. Они в полную меру своих сил будут заботиться о выздоровлении тысяч и тысяч людей, которые пройдут через их руки, потому что они советские медики. Им придется иметь дело не только с больными. По ночам они нередко будут просыпаться от выстрелов, и бойцы народной милиции будут привозить в госпиталь своих товарищей, раненных контрреволюционерами. Потом начнут поступать раненые из Огадена, где эфиопская революция будет отражать натиск внешнего врага... Всего этого они еще не знают. Знают одно — работы будет много.

...Миновав южные кварталы Аддис-Абебы, машины притормаживают у высокой каменной ограды и въезжают в ворота. «Вот мы и дома!» На город уже опустился вечер. «Новенькие» поеживаются от холода — надо же, Африка, у самого экватора... «Так здесь же высота какая, две четыресте! — объясняют старожилы. — А вот и ваши тукули». Шутка, конечно: тукуль — это круглая хижина из жердей, соломы и глины, а по краям широкого парка светятся окна двух- и трехэтажных зданий. Здесь им жить и работать. Одной с понедельника (уже послезавтра) принимать аптеку, другой — медсестрой в стационар, третьей — терапевтом в поликлинику. Их дом и рабочее место называется Госпиталем Советского Красного Креста имени Балча, национального героя Эфиопии.

Госпиталь этот был создан в 1947 году. Воскресив в Эфиопии память о гуманной миссии российского Красного Креста конца прошлого века, он стал символом давней дружбы между двумя народами. Советские врачи, оперировавшие и бинтовавшие в полевых госпиталях своих земляков, раненных фашистскими пулями и осколками, приехали на помощь африканской стране, пережившей оккупацию чернорубашечников Муссолини. С 1935 по 1941 год головорезы дуче, напевая «Камича нера, белла абиссина» («Черная рубашка, красотка абиссинка»), расстреливали тысячи эфиопских патриотов, бомбили и сжигали мирные селения. И вот Новый Цветок опять как родных принимал отряд Красного Креста из той же далекой страны. Нет, что ни говорите, а история, бывает, повторяется!

Молва о «Балча-госпитале» облетела всю Эфиопию. О нем наслышаны и в других странах и считают одной из лучших больниц в Африке. «Русские спасают жизнь эфиопам с 1896 года, — писал недавно известный эфиопский журналист Якоб Вольде-Мариам. — Сегодня же для эфиопского народа нет лучшего посланца доброй воли СССР, чем «Балча-госпиталь».

За тридцать лет его существования советские врачи помогли двум с лишним миллионам людей. Исцеленные оставляли в больничном журнале такие записи. Текеле Бекеле: «Здесь со мной сделали чудо. Навсегда запомню вашу доброту и искусство хирургов, спасших мне жизнь». Еще запись: «Настоящим свидетельствую, что я, Белете Габре, в знак глубокой признательности и благодарности советским врачам за исцеление моей жены Мекдес Сахли и спасение жизни дочери решил назвать свою дочь Софьей по имени доктора Софьи Евгеньевны Клитиной». Среди эфиопских детей, принятых в акушерском отделении «Балча-госпиталя», есть мальчик с именем Спутник. Есть даже Пушкин. (Кстати, нашего Александра Сергеевича в Эфиопии не просто любят, но и считают из-за его происхождения своим национальным поэтом.)

Для спасения мальчика Иосифа Тафаре, получившего тяжелые ожоги, кусочки человеческой кожи и плазма были доставлены из Москвы. «Вот совсем поправлюсь и пешком пойду в Москву», — написал Иосиф. О том, пытался ли он осуществить свое намерение, нам ничего не известно, но вот такая же мечта другого малыша сбылась.

Лет восемь назад полицейский патруль подобрал на улице четырехмесячного младенца и привез его в «Балча-госпиталь». Родители так и не объявились, и госпиталь... усыновил мальчонку. Имя дали самое подходящее — Балча. Балчик, как его чаще всего называли, рос окруженный заботой и лаской (некоторые опасались даже: не испортить бы мальчика). Всех, кто говорит по-русски, он называл «папами» и «мамами», а опекать его поручили старшей медсестре («нагрузка» не из простых, поскольку малыш был, говорят, большой непоседа). Русский язык для Балчика был как родной, азбуку он выучил рано и все ждал, когда же ему наконец минет семь, чтобы поехать в школу в Советский Союз. И в сентябре прошлого года настал этот день. Утирая слезы, Балчик говорил старшей медсестре Музе Ивановне Франовой: «Как только научусь писать, пришлю вам письмо». Сейчас он учится в школе-интернате в городе Иванове.

В «Балча-госпитале» работают 20 советских врачей и 20 медсестер. Скоро с вводом в строй нового корпуса штат советских медиков увеличится до 58 человек. Но это не единственное место, где работают наши врачи. Есть в Аддис-Абебе улица России, названная так в память о первом санитарном отряде российского Красного Креста. Некогда пыльная и захолустная, эта улица преобразилась при новой власти. Ее одели в асфальт, обсадили эвкалиптами и туями, украсили новыми домами. Она соединяет две исторические площади столицы, упираясь одним концом в монумент погибшим в боях с итальянскими колонизаторами, а другим — в территорию больницы имени Менелика. Больница построена на том самом месте, где в конце прошлого века врачевали «москоп хакимы». Здесь тоже трудятся советские медики. Есть они и в других городах Эфиопии — в Хараре и Ассабе, Некемпте и Матту, в Массава.

...Но вернемся в «Балча-госпиталь», где мы расстались с «новенькими». Познакомимся поближе с одной из них, той, которой вести терапевтический прием в поликлинике, — Светланой Агафоновной Фадеевой. Итак, в восемь утра понедельника 22 сентября 1975 года она входит в здание «Балча-госпиталя», что слева от ворот, если стоять лицом к улице. Вместе с ней другая женщина в белом халате, от которой Фадеева должна принять дела. Очередь в коридоре почтительно расступается, врачи входят в кабинет номер двенадцать. Фадеева знакомится с переводчиком-эфиопом. «Очень приятно. Ирга Гебремариам».

Осторожный стук в дверь. Первый посетитель. Первый рабочий день врача Фадеевой начался...

Москва, 5 июля 1978 года

Она в раздумье перебирает карандаши в пластмассовом стаканчике.

— Нет, настолько подробно, чтобы описать вам свой первый день в поликлинике, я не помню. Минимум по шестьдесят больных за прием — что вы хотите... Первые два дня я работала вместе с терапевтом, которая вот-вот должна была уехать. Я сразу почувствовала, что нагрузка будет предельной. Потом-то наловчилась: один одевается, другого осматриваешь, третий раздевается. Поток же, иначе не успеть. Задержки случались знаете из-за чего? На женщине бывает по нескольку платьев плюс марлевая накидка, а если платья без «молнии», то раздеться для нее — целая проблема. С языком тоже загвоздка. Переводчик-то есть, но я скоро поняла, что надо и самой какой-то минимум амхарского освоить. Так и быстрее работается. Да и надежнее.

— Что вы имеете в виду?

— А заболеет переводчик? Или вот вам ситуация. Сидит больной. «На что жалуетесь?» — спрашиваю. «Голова кружится», — отвечает. «А сами как думаете, почему кружится?» — «Думаю, на солнце перегрелся». Чувствую, что он больше сказал, чем мне Ирга перевел. (Переводчик он со стажем, лет двадцать при госпитале.

Должно быть, опустил несущественное, с его точки зрения.) Приступаю к осмотру больного. Так, температура повышенная. Истощен очень. «Что сегодня ели?» — спрашиваю. Оказывается, ничего не ел. «А вчера?» И вчера. «И позавчера?» Да. Три дня не ест... «Почему?» — «Рвота». Еще один симптом, и картина будет полной. «Понос?» — «Да». — «Как долго?» — «Десять дней». Все ясно. Организм обезвожен, вот у него голова и кружится. Это амебная дизентерия. Там ею болеют очень часто. Я вообще-то гастроэнтеролог, то есть специалист по желудочно-кишечным заболеваниям, но с этой болезнью впервые столкнулась только в Эфиопии. Так вот, об этом пациенте. Головокружение его встревожило (может, работать стало из-за этого трудно?), а на остальное он и внимания не обращает. Диагноз я все равно поставила бы правильный, но, если бы знала язык, сделала бы это быстрее. Там это очень важно — надо успеть принять всех, кто пришел на прием, а их бывало и семьдесят и восемьдесят человек. Некоторое время я работала и в стационаре. Там столкнулась вот еще с чем. Чуть полегчало больному, просит выписать его. Объясняешь: рано, мол, все лечение насмарку пойдет. Нет, он свое. Его тоже можно понять: дома голодные рты, нельзя ему залеживаться.

(Я не знаю, постеснялся как-то спросить напрямик, отдавала ли себе отчет эта молодая русская женщина в белом халате, что в ее тесном кабинетике номер двенадцать сплетались, словно в нервном узле, самые ноющие социальные проблемы страны, только что разделавшейся с феодализмом и все еще очень бедной. Она лечила эти проблемы. Это главное. Но все-таки я задаю свой вопрос, хотя и окольным путем.)

— Вы уставали?

— Очень.

— Понятно: физическая нагрузка, шестьдесят человек в день...

— Это так. Но больше изматывало вообще-то другое. Эмоциональное напряжение. Бедные да больные, тяжело на них смотреть. Особенно на тех, кого мы принимали в городской поликлинике. Ездили туда два раза в неделю в свое свободное время. Туда на приемы самая беднота приходила... Без сострадания к больному врач не врач. Но в чересчур большой дозе жалость уже помеха в работе. И вот ты ее загоняешь в себя поглубже. И устаешь страшно — ведь делаешь это целый день и изо дня в день. За детей мы сильно переживали. Малыши там болеют жестоко. Если уж пневмония, то непременно в самой тяжелой форме. Если дизентерия, то привозят уже крайне ослабленного. Болезни сердца, серьезные ревматические заболевания — все это у эфиопских детей встречается пока чаще, чем можно ожидать.

— Детей тоже вы лечили?

— Во время дежурств. А вообще ими занимается Борис Степанович Довгун. Педиатр каких мало. Настоящий врач и человек. Я люблю справляться сама, но, когда ко мне попадал тяжелый ребенок, не считала зазорным обращаться к Довгуну. Он никогда не поленится пойти осмотреть твоего больного. Раз уж я о коллегах заговорила, то не могу не помянуть добрым словом и заведующего терапевтическим отделением Нечаева Станислава Ивановича. Если что-то не ладится с лечением, он изведет себя переживаниями. И человек он такой, для которого, если перефразировать Светлова, порядочность — понятие круглосуточное.

— А из пациентов о ком вам приятно вспомнить?

— О, таких много. Особенно тяжелых, которых удалось вытянуть. Это, видно, профессиональное пристрастие. Лежала у меня в стационаре одна молодая женщина. Она жаловалась на одышку, кашель и сердцебиение. Мне удалось быстро и точно поставить диагноз: ревматический порок сердца с недостаточностью кровообращения третьей степени, то есть резко выраженной, приводящей к отеку нижней половины туловища и ног и к увеличению печени. Лечение прошло удачно, ей стало гораздо легче, но я ее продолжала наблюдать в течение полутора лет. Она регулярно показывалась мне в поликлинике, выполняя все мои предписания. Скажете: ну и что? Это трудно объяснить. Всё вместе, наверное: и собственный успех, и взаимная симпатия врача и пациента.

— Как вообще складывались у вас отношения с пациентами?

— Я еще в Союзе привыкла, чтобы больные меня любили. (Ни малейшей аффектации не уловил я в голосе Фадеевой. Таким тоном говорят: «Я привык по утрам пить молоко».) А больные любят врача за одно — за то, что он им помогает. За упорство его и за то, что он не ищет легкого успеха, а докапывается до корня зла, до главного заболевания. Что у нас, что в Эфиопии или еще где-то, больной ценит и уважает врача именно за это. Большая радость — видеть, что пользуешься у больных любовью. Но за нее и платить надо, расходовать себя не задумываясь. Среди моих пациентов был мужчина лет пятидесяти, с которым я особенно намучилась. Вместе со Станиславом Ивановичем голову ломали — никак не могли диагноз поставить. Симптомы такие: люмбаго, то есть прострелы, мышечные боли в поясничном отделе, температура тридцать восемь, проливные поты. До правильного диагноза добрались методом исключения: сделали анализы на тифы — сыпной и брюшной, на малярию. Все отпало. Оставалось предположить... бруцеллез. Анализ подтвердил наше предположение. Так мы впервые в своей врачебной практике столкнулись с этой болезнью, коварной и опасной. Потом-то я научилась быстро ее распознавать, несмотря на самые разные проявления. Одна девочка жаловалась на резкие головные боли, но у нее даже температуры не было и потливости. А оказалось — бруцеллез. Так вот, возвращаясь к тому больному. Ему требовался длительный курс лечения в стационаре. Но едва он почувствовал себя лучше, как стал просить отпустить его домой. Тут же родственники сидят, поддакивают. А выписать его — значит, останется больным. Убедили, разъяснили... Через несколько дней приходят родственники, и опять за свое. А дядька хороший, жалко его губить. Опять все терпеливо им втолковала. Я вижу, он-то меня понимает, но перед родственниками ему неловко, а им не терпится заполучить работника обратно в дом. Все-таки довела я лечение до конца, и очень мне приятно было от этого. Как видите, в тамошних условиях от врача обязательно еще и характер требуется. Тебе потом больные сами же спасибо говорят.

— Наверное, были и другие болезни, с которыми вам не доводилось иметь дело в Москве?

— Пневмония там протекает, как правило, бурно и в тяжелой форме. Часто ею болеют дети. Бегают босиком по холодной земле, простуживаются. И никто им не подскажет. Потому что не понимают серьезности последствий простуды. Санитарное просвещение там пока как следует не налажено. Положим, больным, которые проходят через наши руки, мы хоть что-то успеваем внушить. Но это же не выход. Ведь до сих пор эфиопы болеют, например, тифами: и сыпным, и брюшным, и паратифами, о которых мы и думать забыли со времен гражданской войны. Есть и малярия. Туберкулез тоже не редкость. Радикулиты удивительные... Казалось бы, болезнь возраста, а в Эфиопии ею часто страдают молодые. Много почечных заболеваний, опять же от простуды. Но все-таки надо отдать должное эфиопским властям. У них много забот и в городе, и в деревне, и война была, многие районы разорены. И хотя до всего руки, может, не доходят, здравоохранению они много сил отдают. Созданы мобильные отряды для предотвращения эпидемий, больницы строятся, медпункты. Ускоренно готовят средний медперсонал. Нам переводчики зачитывали из газет: состоялся, мол, очередной выпуск группы фельдшеров и медсестер, дипломы получило столько-то человек. Чувствовалось, что этим сообщениям придается государственное значение.

Не без колебания задаю я вопрос, тяжелый для каждого врача:

— Как относились к вам родственники пациентов, которых не удавалось спасти?

— Нормально. (Произнеся это слово быстро, почти автоматически, Фадеева повторила его еще два раза — с паузами, как бы вслушиваясь со стороны и перепроверяя свой первый ответ.) Они нам доверяли, видя, как мы старались. Если у постели больного или на операционном столе возникала критическая ситуация, сбегались буквально все врачи, все специалисты. Местное население знает, что только врачи «Балча-госпиталя» проводят на общественных началах приемы в городской поликлинике. Кроме того, в нашем госпитале действуют курсы по подготовке фельдшеров и медсестер. При мне дипломы о среднем медицинском образовании получила группа из двадцати человек. Многие из них были направлены в полевые лазареты на места боевых действий. Так что «Балча-госпиталь» заслуженно пользуется известностью в Эфиопии. Наше правительство наградило госпиталь орденом Дружбы народов по случаю его тридцатилетия.

— Вспоминаете свой двенадцатый кабинет?

— Два с половиной года жизни с ним связано... Ирга сейчас кому-то другому переводит. Он обычно ворчал: «Вот, самая вредная доктореса мне досталась за все годы, что я здесь работаю». Это верно, я ему спуску не давала. В нашем деле иначе нельзя. А уезжала, совсем другое говорил и, конечно, искренне. Пока еще мало времени прошло, как я вернулась. Дела в Москве захлестнули. Оля вот, дочка моя, десятый закончила. У меня сейчас голова только ею и занята. А пройдет время, и, наверное, начну вспоминать. А как же иначе?..

Когда я прощаюсь с Фадеевой, в далекой Аддис-Абебе в кабинете двенадцать «Балча-госпиталя», что на улице Балча, еще идет прием. «На что жалуетесь?» — «Голова кружится»...

Идет обычный прием.

Б. СЕНЬКИН

ТРАУЛЕРЫ УХОДЯТ В ОКЕАН

Рыболовецкий порт столицы народной Анголы — Луанды разместился почти на самом краю песчаного острова, поросшего ярко-зелеными пальмами и густыми мулембами. Узкий и длинный остров надежно отгораживает просторный залив от крутых океанских волн, рождающихся где-то, может быть, за тысячу километров отсюда, на бескрайних просторах Атлантики. У бетонных причалов порта, плотно прижавшись бортами друг к другу, стоят траулеры. На тех, что ближе к берегу, справа вьется трехцветный ангольский флаг. На тех, что чуть выдвинуты в залив, слева — алый советский.

— Сюда, сюда! — раздался звонкий голос с советского траулера, стоящего последним в ряду из четырех судов. Я оглянулся на голос и увидел Володю Ступина, второго механика. Мы с ним познакомились, когда я договаривался, чтобы меня взяли в океан на лов рыбы.

Прыгая с борта на борт, я добрался до корабля, на котором первый раз в жизни собирался выйти на промысел в Южную Атлантику. Траулер назывался «Хыбесааре», что в переводе с эстонского означает «Серебряный остров». Был он небольших размеров, и экипаж его состоял всего из пяти человек. Володя Ступин — самый молодой на судне, ему 23 года. А капитаном на траулере Киви Тоомас. Он мне и рассказал, почему эстонские рыбаки из колхоза «Хийукалур» оказались у ангольских берегов.

— Когда здесь решили организовать первый рыболовецкий кооператив и понадобилась помощь, выбрали наш колхоз, — рассказывал Киви Тоомас. — Понятно почему. Колхоз у нас известный, награжден орденом «Знак Почета».

Живем мы на острове Хийумаа, это второй по величине остров у эстонского побережья. Для нас море, как для других поле, из многочисленных отраслей хозяйства у нас только одна — рыбный промысел. Первые годы, как колхоз образовался, ловили только на Балтике, а в 1965 году мы получили крупные суда и начали ходить в Атлантику, с каждым годсм все дальше и дальше. Так что люди у нас дело знают, рыбаки потомственные, немало есть и с высшим образованием, многие мореходные училища кончили. Тут, в Южной Атлантике, водит свой траулер капитан Хенн Артурович Ноор, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, так это наш, из нашего колхоза, а его брат Ильмар Артурович здесь, в Луанде. Так что мы не сомневались — с поручением справимся, а дело это, безусловно, и почетное и ответственное.

— А вы здесь давно?

— В прошлом году колхоз направил сюда четыре траулера с командами. Я пришел сюда с первыми судами. Работы у нас, сами понимаете, много. Нам надо и лов вести, и помогать ангольв

ВЛКСМ 60 ЛЕТ

ским рыбакам овладевать сложной техникой, вести промысловый лов, и помогать организовывать кооператив. А район этот нам незнаком, документации никакой нет, колонизаторы, когда уходили, часть уничтожили, часть увезли с собой. Ловили первое время просто на ощупь. Но освоились быстро, и теперь пошли хорошие уловы. Случалось, привозили по 20 тонн рыбы на судно за рейс. А рыба Луанде очень нужна.

Это я знал, рыбный промысел сейчас для народной Анголы особенно важен. Раскольничьи группы УНИТА и ФНЛА хозяйничали в южных районах недолго, но вред нанесли огромный: они уничтожили скот ценных пород, а южноафриканские солдаты угнали 15 тысяч голов скота из самой плодородной провинции Уамбо. Поэтому сейчас принимаются самые энергичные меры для восстановления животноводства, а пока в снабжении 600-тысячного населения столицы свежая рыба занимает одно из первых мест.

При колонизаторах рыбный промысел в Анголе был поставлен на широкую ногу. Были и современные рыболовные суда, и перерабатывающие предприятия, и холодильники. Но свежей рыбы ангольцы не видели. Большая часть улова перерабатывалась в рыбную муку на корм скоту и отправлялась за границу. Во внутренние районы страны португальские рыбопромышленники продавали соленую рыбу, которую перед едой надо было долго отмачивать.

После того как 11 ноября 1975 года Ангола провозгласила независимость, колонизаторы, а вместе с ними и португальские специалисты, в том числе рыбной промышленности, уехали из страны. Они увели с собой рыболовные суда, забрали часть оборудования рыбоперерабатывающих предприятий и холодильников. Молодая республика оказалась без рыболовного флота, без специалистов и фактически без рыбы. Тогда правительство Анголы обратилось за помощью к Советскому Союзу. 26 мая 1976 года было подписано соглашение между СССР и НРА о сотрудничестве в области рыбного хозяйства.

— Мы, конечно, понимаем, — продолжает капитан, — что в большом деле развития советско-ангольского сотрудничества наше участие весьма скромно. Но от того оно не становится менее важным. Мы так считаем: всякое большое дело складывается из множества малых. Поверьте, душа радуется, когда утром, после ночного лова, усталые, мы с ребятами идем по городу, а в магазинах уже продают только что выловленную нами рыбу. И учить ангольских парней нашей профессии дело важное.

— Здесь, в Анголе, я, можно сказать, своими глазами увидел, что такое наследие колониализма, — говорил мне Володя Ступин. — Люди на берегу океана живут, испокон века рыбной ловлей занимаются, а многие на борт современного траулера первый раз уже после нашего прихода сюда попали. Оказывается, португальцы их к промыслу не подпускали. Возле берега ангольцы могли еще на своих лодках ловить, а зоны промысла уже только для португальских рыбопромышленников.

И еще заметили, не только я, все наши, что ангольцы очень хотят скорей научиться и самостоятельно ходить на промысел и в то же время как бы боятся, все время настороже. Боятся показаться смешными, мол, взрослые люди, а как школьники, чуть ли не за партой сидят. Ну мы не сговариваясь стали за собой следить, чтобы, не желая того, случайно своего ученика не обидеть. Но это только на первых порах, а сейчас мы уже друзья настоящие. Вот с языком трудно. У нас многие английский знают, но он здесь не в ходу. Ведь те ребята, что из глубинных районов приехали, и португальский не все хорошо знают. Говорят на своем языке кимбунду, а переводчиков мало. Правда, мы уже научились как-то объясняться, понимать друг друга.

Я думаю так: ангольцы знали, что от португальских колонизаторов, кроме унижений и обид, ждать нечего. И к каждому новому человеку с белой кожей первое время настороженно относятся. А нас теперь они уже поняли: видят, мы пришли с открытой душой, ничего от них не таим, все, что знаем, показываем, рассказываем. Если они что-то знают, с благодарностью принимаем...

У меня был ученик, Кристобал его зовут. Он сирота, 16 лет пареньку. Удивительно светлая голова у парня, все на лету схватывает. Быстро выучил несколько русских слов: «Здравствуйте, товарищ», «Спасибо», «Объясните, пожалуйста» и так чисто произносит, совсем без акцента. Кто его не знает, может подумать, что он говорит по-русски. А месяца через два он уже мог отвечать на вопросы по-русски, самые простые, конечно: как тебя зовут? сколько тебе лет? Ну и в таком роде. Мы все решили, что у него способности к изучению языков, и стали его уговаривать, что ему надо в университет поступать, на филологический. При народной власти ведь это возможно. А он отмалчивается, только смеется. А потом как-то мы сидели вечером на берегу океана, третьим был наш переводчик, тоже Володя, из Ленинграда. Он рассказывал о Ленинграде, я о Таллине, где учился. В общем такой вечер воспоминаний. А Кристобал молчит, слушает, только глаза сверкают. А потом вдруг говорит: «А мне и рассказать нечего. Родители умерли рано, я их и не помню». Жил он у родственников в Луанде, в африканском квартале «муссекеш», в «белую» Луанду первый раз попал только уже после объявления независимости. И как в великом позоре признался Кристобал, что только год назад на вечерних курсах научился читать и писать. А теперь он на курсы не ходит, а учится самостоятельно. В библиотеке женщина-португалка (одна из немногих, что не бросили Анголу в трудное время, остались и помогают восстанавливать экономику и организовывать просвещение) составила ему список литературы, и он хочет подготовиться и сдать экзамены за начальную школу. А дальше видно будет.

Ну мы, конечно, стали его убеждать, что учиться никогда не поздно и никогда не стыдно. Но Кристобал говорил так: «Никто не знает, что я готовлюсь к экзаменам. А когда сдам экзамены, получу свидетельство, приду в центр и скажу: «Я теперь хорошо грамотный, могу дальше учиться. И стану таким капитаном, как товарищ Тоомас».

Про этот центр говорят многие рыбаки, проходившие у нас на траулерах практику. Это центр для подготовки моряков и специалистов рыбной промышленности, который создается при содействии Советского Союза.

Во время нашего разговора Володя чистил картошку, быстро-быстро, как заправский повар, резал свеклу, лук, морковку. Я почувствовал ни с чем не сравнимый аромат флотского борща и невольно сглотнул слюнку. Володя спросил:

— Любите борщ? У нас все его любят. — Володя вдруг улыбнулся. — Когда к нам первые ангольские рыбаки на практику пришли, мы решили их угостить обедом. Пригласили, так торжественно, все принарядились. Переводчик им говорит, а они не понимают. Не то, чтобы не понимают, а как будто не могут поверить. Ну потом-то мы всегда, когда работали вместе и ели вместе, уже без торжественности. Они приносили свою национальную еду: фунджи — каша из маниоковой муки и разные сладости тоже из маниоки и много-много пряностей. Я даже не знаю, как они называются. У нас, по-моему, и нету таких. А Кристобал однажды принес целую сумку папайи. Это такая дыня африканская, очень вкусная. Вообще с Кристобалом просто беда. Принес он однажды кикванги — это что-то вроде печенья или сдобы. Кто-то говорит: «Ой как вкусно. Как ее делают? Жене рецепт отвезу». Ну вместо рецепта Кристобал каждый день стал приносить эти кикванги, да помногу так. Ну мы знаем, парень-сирота, денег у него почти совсем нет. А он просто разоряется на подарки. Я попытался с ним поговорить. Но ведь вопрос деликатный, через переводчика не получится. А стал говорить на «нашем» языке — смесь русских слов с португальскими — он смеется и говорит: «Папайя очень полезна, никаких болезней не будет». Ну что ты с ним будешь делать? Попросил я Володю, того, из Ленинграда, говорю, объясни ему, неудобно нам. У нас все есть, а ему ведь деньги и самому нужны. Через пару дней мне Володя рассказывает. Кристобал все понял, еще когда я ему пытался втолковать, но говорить об этом не хочет. А потом сказал: «Для меня Володя (это я, значит) как брат, а на «Хыбесааре» я как в семью иду. И если вы не так думаете, мне обидно».

Вообще я немного ангольцев знаю, только тех, что у нас на траулере были. Но очень они к доброму отношению чутки. Если к ним с хорошим, они все готовы сделать.

Тогда я рассказал Володе о встрече, которая у меня была в Луанде на набережной. (Набережная Луанды заслуживает особого разговора. Некоторые считают ее самой красивой в Африке. Она тянется на несколько километров. Спокойная бухта, разноцветные паруса африканских лодок — это если сидишь лицом к океану. А за спиной Нижний город. Официальная и деловая часть столицы. Банки, учреждения, порт. Все в основном построено в 50-е годы. Это были годы кофейного бума. Владельцы кофейных плантаций разбогатели тогда неимоверно. А строить дома в столице считалось прибыльным делом, вот они и вкладывали «кофейные» капиталы в небоскребы. А над Нижним городом ступенями поднимается Верхний город. Здесь небоскребы перемежаются с особняками XVII — XVIII веков с красными черепичными крышами, беломраморными фасадами. Это Луанда колонизаторов, «белый»

город, как говорил Кристобал. А для африканцев были «мусекеш» — районы немощеных улиц, сбитых из ящиков домов, часто даже без электричества и водопровода.

В центральном зале банка Анголы, построенного еще до независимости, есть фрески, где рассказывается о завоевании Анголы португальцами в XVI веке и основании Луанды. История в картинках: вот португальцы обучают туземцев строить хижины, вот вместе сажают растения, вот разводят скот. Если верить фрескам, то португальцы пришли в Анголу только затем, чтобы познакомить туземцев с достижениями европейской цивилизации. К несчастью, в жизни все было не так. Три века Луанда была главным портом работорговли, отсюда вывозили рабов в Бразилию. Анголу еще и сейчас называют «черной матерью Бразилии».

И бежали колонизаторы как варвары. Они срывали электропроводку в квартирах, били стекла в окнах, вместе со стенами выворачивали умывальники, это уж не говоря об оборудовании фабрик, городском транспорте и т. д. Но вернемся к нашему разговору с Володей Ступиным.)

Встреча у меня была такая. Я сидел за столиком кафе прямо под открытым небом и не мог оторвать глаз от бирюзовой глади океана. Подошел молодой анголец спортивного вида и попросил разрешения сесть рядом. Это там не принято, и я немного удивился. Но вскоре понял, в чем дело. Мой новый знакомый Жозе узнал от официанта, что я советский, и ему очень захотелось поговорить по-русски. Он все это рассказал потом сам. Рассказал и о себе. Жозе до независимости работал мелким клерком в конторе одного «ассимилядос». (Так колонизаторы называли ассимилированных африканцев, которые отличались «хорошим поведением» и вели образ жизни, полностью соответствовавший португальскому. Большинство «ассимилядос» верно служили колонизаторам и за небольшие подачки были готовы выполнять грязную работу по усмирению своего народа.)

Жозе не принимал активного участия в освободительной борьбе. Но сам он считает, что он тоже оказывал сопротивление колонизаторам. Он тайком учил русский язык. А в те годы за чтение книги на русском языке сажали в тюрьму, могли отправить в концлагерь.

(После этого разговора я стал присматриваться к книгам и часто видел в книжных магазинах книги русских и советских писателей, наши журналы, как переведенные на португальский, так и в оригинале на русском. И как мне говорили, их хорошо покупают.)

Этой весной в Луанде открылся центр по изучению русского языка, и Жозе считает себя активистом этого центра, потому что он всех агитирует изучать язык.

Жозе говорил: «Среди нас у многих большая тяга к русскому языку, к русской литературе. Но это у тех, у кого уже есть какое-то образование. Те, кто работал вместе с вашими, ваши друзья навсегда. Умеете вы располагать к себе людей. И вообще у нас многие понимают и значение вашей помощи, и значение дружбы с вами. Но не думайте, что все до одного ангольца на стороне нашего правительства и ваши искренние друзья. Вы думаете, — он кивнул головой на особняки и небоскребы за нашей спиной, — легко отказаться от такого богатства? Да они, — опять кивок головой, — на все готовы, чтобы вернуться сюда хозяевами. Они, может, и смирятся с тем, что Ангола будет считаться независимой, лишь бы им хозяйничать на нашей земле. Иногда им удается обмануть и повести за собой сотню-другую ангольцев. Не забывайте, что до независимости у нас 99 процентов населения были абсолютно неграмотны, что такое политика, понятия не имели. Это только в районах, освобожденных МПЛА после 1961 года, создавались «лесные школы», воспитывалось политическое сознание, да в городах еще, конечно. Не подумайте, что я сгущаю краски. Больше того, я сам вижу, как за три года независимости изменились наши люди. В них столько чувства собственного достоинства, что теперь уж унижать их никому не удастся. А те, в ком есть понимание политической жизни, те ваши верные друзья.

Вы журналист, — продолжал Жозе. — Можете вы передать советским людям от меня громадный привет? Я буду совершенствовать свой русский, обязательно приеду сам в Москву, и тогда мы с вами будем вот так же разговаривать в Москве.

Я пообещал Жозе, что так и будет.

Обо всем этом я тогда рассказывал Володе Ступину.

Через несколько дней после этого выхода с «Хыбесааре» на промысел. мне довелось побывать в одной африканской деревне. Там накануне показывали советский фильм «Поднятая целина». Фильм произвел сильное впечатление. Один из местных активистов, Франсишку, рассказывал мне, что еще совсем недавно только два жителя их деревни, когда ездили в город, были в кино. Они рассказывали о впечатлениях своим землякам, и те слушали их рассказы как волшебную сказку. Теперь фильмы демонстрируются довольно регулярно, но состояние, что присутствуешь при чуде, у жителей деревни еще не прошло. Фильмы показывают под открытым небом, и приходят смотреть их всей семьей. Франсишку считает очень важным, что перед началом каждого сеанса он или кто-нибудь другой из активистов рассказывает зрителям о текущих событиях в стране и мире, разъясняет постановления правительства, отвечает на вопросы. Перед показом «Поднятой целины» Франсишку попросил приехать лектора из главного города провинции. Лектор, в частности, рассказал, что летом 1977 года из Советского Союза пришел подарок от ЦК КПСС: 16 автоклубов (до этого в стране было 3 кинопередвижки) по одному в каждую провинцию и несколько фильмов.

Как говорил Франсишку, зрители попросили, чтобы им показали все советские фильмы, которые прислали, что и планируют сделать.

Мы приближались к месту лова и вскоре увидели большие рыболовецкие суда, которые бросили якорь в Луандском заливе. В основном эти крупные траулеры входят в состав Калининградского производственного объединения рыбной промышленности, которое взяло своего рода шефство над восстановлением рыбной промышленности Анголы. Киви Тоомас еще на берегу мне рассказывал, что для рыболовецкого кооператива более подходят малые рыболовецкие траулеры типа «Балтика», на котором мы и вышли в океан. А для государственных рыбопромышленных предприятий предназначаются большие морозильные рыболовецкие траулеры БМРТ, как их называют специалисты. Калининградцы тоже и рыбу ловят и обучают ангольских рыбаков управлению этими современными судами. Весной 1976 года правительство СССР передало в собственность ангольскому народу четыре малых рыболовецких траулера-рефрижератора. Их называют «производственно-техническими училищами на плаву», на них смешанные советско-ангольские экипажи, советские моряки выполняют роль наставников, а ангольцы приобретают высокую квалификацию.

По-видимому, у меня легкая рука, а может быть, у эстонских рыбаков неудачи не бывает, лов прошел успешно, и с первыми проблесками зари «Хыбесааре» взял курс в порт, команда устала, но настроение было хорошее. В Луанде судно уже ждали приемщики, чтобы тут же отправить улов в кооперативные магазины.

Была у меня и еще одна встреча, о которой мне хотелось бы рассказать. На этот раз с представителем Министерства рыбной промышленности СССР в Народной Республике Ангола, кандидатом биологических наук Константином Гавриловичем Кухоренко.

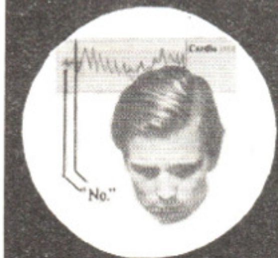
— К вопросу становления рыбного хозяйства Анголы мы подошли комплексно, — говорил Константин Гаврилович. — Начали с изучения рыбных запасов. Это очень важно, чтобы не нанести ущерба рыбным запасам в водах, находящихся под юрисдикцией Анголы, включая территориальные. Исследования ведем вместе с ангольскими специалистами. На советских научно-исследовательских судах, оснащенных, кстати сказать, самой современной аппаратурой, плавают и сотрудники Центра рыбохозяйственных научных исследований НРА. Предварительные результаты исследований уже переданы ангольским товарищам. Надо сказать, район этот очень богат рыбой. Здесь ловят такие породы, как капитан, ставрида, зубан, сардинелла, морской карась.

Наше сотрудничество носит взаимовыгодный характер. Советские суда получают лицензии на лов определенного количества рыбы вблизи ангольских берегов. Часть улова они сдают на приемные пункты, оборудованные в портах Анголы. Эта рыба поступает в торговую сеть. На советских судах ведется строгий учет того, сколько и какой рыбы выловлено, регулярно заполняются карточки вылова, которые передаются в Национальную дирекцию по науке и промышленному рыболовству народной Анголы. Кроме того, руководитель советских промысловых судов ежемесячно передает в Министерство рыбного хозяйства НРА данные об улове и документы об отгрузке рыбы. Так что наша страна самым тщательным образом соблюдает все пункты соглашения, заключенного с Анголой. Да иначе и быть не может. К народной Анголе мы относимся с большим уважением, а в ангольских трудящихся видим своих друзей, помочь которым в трудную минуту — наш интернациональный долг.

Николай ПАКЛИН

Луанда — Москва

ДЕТЕКТОР ЛЖИ ПРОТИВ «СРЕДНЕГО» АМЕРИКАНЦА ● ЗА КЕМ ОСТАЕТСЯ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ● ЖРЕЦЫ КОРИЧНЕВОЙ РЕЛИГИИ ● СЕКТА НАЦИСТОВ ИЗ БАД-МАЙНБЕРГА ● КОГДА ТЮРЬМА ЖЕЛАННОЕ ПРИСТАНИЩЕ

МАЛЕНЬКАЯ ГРЯЗНАЯ ТАЙНА ДЕТЕКТОРОВ ЛЖИ

Джонатан КВИНТИ, американский журналист

Детекторы лжи лгут. Люди, работающие на этих дьявольских машинах, просили меня не выдавать эту тайну. Они утверждают, что, если будет утрачена вера в непогрешимость детектора лжи, они станут еще менее надежными, чем сейчас. Секрет успеха — слепая вера всех, кто подвергается проверке, в невозможность утаить истину. Если перестанут бояться детектора, лгать будет легче, и работа следствия неимоверно усложнится.

Данные, полученные непосредственно с детектора лжи, не могут, с юридической точки зрения, считаться доказательством вины. И причина тому — неуверенность судей в том, что детектор не допустил ошибку. Но зато полиция уверена, что он всегда прав. Так или иначе человек, которому предъявлено обвинение, рискует своей репутацией, даже если потом это обвинение оказывается недоказанным. Ежедневно детектор лжи решает судьбы тысяч людей: увольнение служащих, отказы тем, кто пришел наниматься на работу. И все потому, что стрелке угодно было отклониться не в ту сторону. Но специалисты утверждают — главным образом, чтобы успокоить население, — что детектор никогда не обвинит невиновного.

Я всегда подозревал, что это не совсем так. А теперь знаю наверняка. Видимо, есть люди, которые могут говорить правду и при этом вести себя так, что их можно заподозрить во лжи. Одного я знаю лично: детектор обвинил во лжи меня и прохожего, у которого я брал интервью. Для меня это кончилось благополучно, а ни в чем не повинный прохожий лишился работы, рухнула его карьера, и неприятности посыпались одна за другой. Когда я рассказал об этом случае на страницах «Уолл-стрит джорнэл», я получил письма не менее чем от десяти читателей, с которыми произошло то же самое. В результате проверки мне удалось установить, что мои корреспонденты куда более правдивы, чем детекторы лжи, с которыми им пришлось иметь дело.

Одно письмо пришло от соседа некоего Дональда Альфреда Дэвиса из Уинстон-Салем, штат Северная Каролина. Дэвиса, конечно, не назовешь идеалом американского гражданина, но это еще не значит, что он убил свою жену, как то считает полиция, основываясь на показаниях детектора.

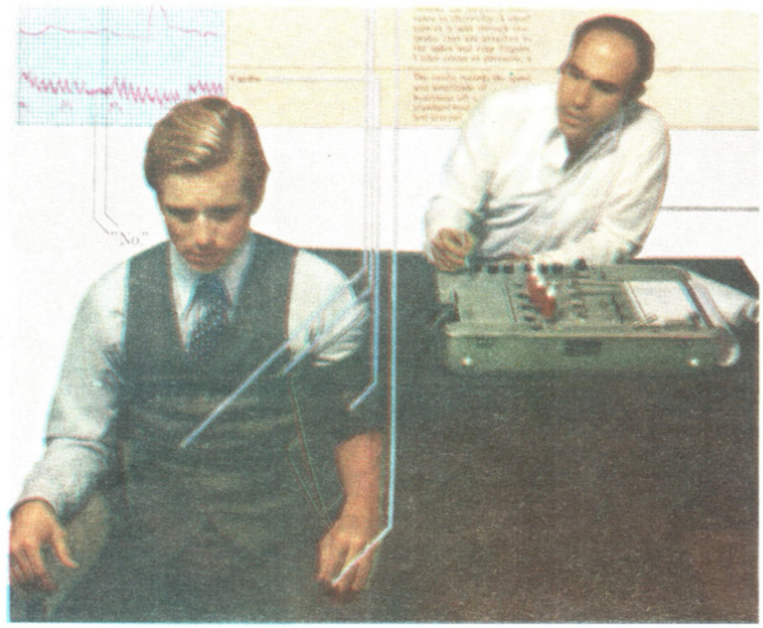
В январе 1976 года — это была суббота — муж смотрел по телевизору баскетбол, а миссис Дэвис отправилась поиграть в кегли и больше домой не вернулась. В 8 часов утра Дональд Дэвис заявил в полицию об ее исчезновении. Прошло несколько недель, но, несмотря на неоднократные объявления по радио о розыске, от миссис Дэвис не поступало никаких известий. Полиция заподозрила худшее — Дэвис сам убил жену. Но Дэвис упорно отрицал причастность к этому делу. Он не знает, где его жена, и все тут. Тогда полиции пришлось прибегнуть к помощи детектора лжи.

Полицейский чиновник показания детектора нашел столь убедительными, что решил составить подробнейшее описание убийства миссис Дэвис. По его мнению, Дональд Дэвис выстрелил в свою жену, отнес ее тело в машину и столкнул машину в озеро в западной части штата. Полицейский не мог только сказать, в какое именно озеро.

Дэвиса испытывали и другими способами, в том числе гипнозом и так называемым психологическим стрессором, и ни один из тестов не ставил под сомнение его вину.

Тем временем полиция велела Дэвису нанять адвоката, провела обыск в доме и пришла к заключению, что выемка в штукатурке похожа на след от пули. Дело тянулось более двух месяцев. Пока в один прекрасный день Дженис Дэвис не вернулась домой. Причиной ее возвращения, сказала она, было газетное сообщение о том, что полиция подозревает мужа в ее убийстве и ему грозит электрический стул. (Дэвисы после этого расстались.)

Человек из Калифорнии, капитан военной полиции, вышедший в отставку, прислал мне

подшивку судебного дела об убийстве, которое разбиралось в 1976 году. По этому делу проходил рядовой Дэвис Джексон, которого приговорили к пожизненному заключению за то, что он заколол штыком офицера. Свидетелем был другой рядовой, Ричард Картер, который, как предполагалось, дал ему винтовку. Картера осудили на 18 лет. В тюрьме Картер отрекся от своих прежних показаний и взял всю вину на себя. Следствие шло с помощью детектора лжи. Тесты проводились и до признания Картера, и после. Для этого, помимо специалистов из военной полиции, были приглашены гражданские эксперты. Мнения этого совета мудрейших явно расходились.

Мой корреспондент, бывший высокий чин в военной полиции, считает, что в убийстве замешаны и Джексон и Картер, но что вина Джексона не была доказана, хотя суд и вынес приговор. Ясно одно — читая это дело, нельзя не усомниться в непогрешимости детектора лжи.

Обвиняемые были подвергнуты по меньшей мере пяти различным тестам, плюс один с применением «сыворотки правдивости» — иными словами, сильнодействующего наркотика, в следствии участвовали лучшие эксперты, а ясности все меньше и меньше.

По последним сведениям моего корреспондента, путаница продолжается, а Джексон тем временем томится в тюрьме.

Когда я предложил журналу «Эсквайр» эту статью, редакция, в свою очередь, предложила мне самому подвергнуться проверке детектором лжи, чтобы я мог начать статью с описания собственных ощущений.

Я позвонил Ричарду Артеру, эксперту, консультанту и изобретателю детекторной аппаратуры. Мы договорились о встрече.

Меня приняли Артер и Джин Сандаш, президент Нью-Йоркской ассоциации специалистов по детекторам лжи. Они заявили, что считают подобную затею вредной для дела и не будут меня проверять.

— Если вы будете отрицать все на основании нескольких неудач, — сказал Артер, — вы и телефоном не должны пользоваться, ведь бывает, что набираешь не тот номер.

Я привел им в качестве примера случай, когда вопреки утверждению, что детектор никогда не признает честного человека лжецом, Питера Рейли, юношу из штата Коннектикут, обвинили в убийстве матери и

посадили в тюрьму. Сразу после убийства матери Рейли был подвергнут тесту полицией штата. Он оказался «случаем из учебника» — настолько соответствовали его реакции тому, чего от него ожидали эксперты. Итак, детектор лжи признал Рейли убийцей. Судья усомнился в доказательствах виновности Рейли, представленных полицией. Адвокат Рейли, готовясь к повторному слушанию дела, наткнулся на новые данные, доказывающие, что Рейли находился за сотню миль от места, где произошло убийство. При повторном слушании Рейли был оправдан.

Реакция Ричарда Артера на упоминание о деле Рейли поразила меня. «Я знаком с этим делом, — сказал он, конфиденциально склонившись ко мне. — Не делайте поспешных выводов». Неужели Артер намекал, что Рейли был замешан в этом деле? Артер сказал, что есть ряд вещей, которые ему известны, но о которых он не может мне рассказать. Он многозначительно улыбнулся и спросил: «Если Питер Рейли не убивал своей мамаши, кто же тогда ее убил? Часто бывает, что человек далеко от места убийства и тем не менее виновен в нем».

Господи, подумал я, неужели Артер намекает на то, что Питер Рейли воспользовался услугами наемного убийцы, обеспечив себе таким хитрым образом алиби, а затем он начисто забыл об алиби во время следствия, суда и заключения в тюрьму? А как же понимать заявление прокурора, что невиновность Рейли полностью доказана?

Выходя из кабинета Артера, я обратил внимание на человека, сидевшего в приемной. Артер объяснил мне, что это служащий корпорации одного из его клиентов. Там у них был какой-то саботаж или хищение. Он должен подвергнуть этого служащего проверке детектором лжи.

Очутившись снова в лифте, я почувствовал огромную радость, что я не **тот** человек, который сидит сейчас в приемной Ричарда Артера.

Перевела с английского
М. КРИГЕР

(«Эсквайр», США)

ВИНО, РУНЫ И ЧУТЬ-ЧУТЬ ПОЛИТИКИ

Раймар ОЛЬТМАНС,
западногерманский журналист

Брат Вали зажигает свечи, сестра Остара — ароматические курения. Брат Мимир устанавливает на алтаре деревянный рунический знак [1]. Брат Форсети возлагает к его подножию железный кузнечный молот — символ плодородия. «Германцы» отмечают праздник урожая.

Место действия — Бад-Майнберг на реке Липпе, ФРГ. Время действия — наши дни.

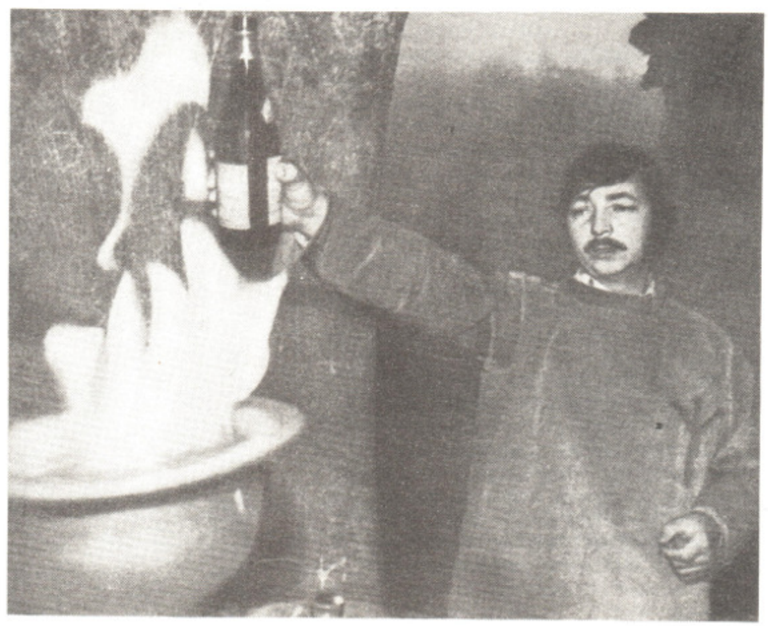
Две дюжины «германцев» в возрасте от трех до 78 лет собрались в задней комнате отеля «Цур Пост», где уже включен магнитофон, услаждающий их слух звуками лютни и барабана. Двое мужчин в зеленых одеяниях с вышитыми на них руническими знаками воздают хвалу древним богам Одину, Тору и Фрейе. «Оми-Один-Оми-Один-хар! Хэре-хэре-хар!» — шепчет брат Вали. «Через пять лет 40 драконовых кораблей вернут наших богов на землю и кончатся три тысячи лет забвения», — пророчит брат Донар. «Да будет нам дозволено возвести наш дом здесь, на святых камнях Бад-Майнберга, дабы могли мы принять богов наших». Сестра Остара вопрошает: «Как мы узнаем их?» Брат Донар: «Указанием нам послужат руки их, ибо каждая рука у них не о пяти, а о шести пальцах».

Следующий пункт на повестке дня: жертвенное возлияние благословенного напитка. Брат Вали, подступая к алтарю, вынимает из обрядовой сумы бутылку амсфельдского красного вина и торжественно произносит: «Славься, Мать Земли Херта! Славься, Отец Вселенной Один! Славьтесь, Асен и Ванен!» — и наливает немного вина в стакан с рекламой отеля, взятый напрокат у хозяина.

«Германцы» запели: «Да не отступи от веры и правды». Для брата Вали это всегда служило сигналом к началу проповеди «О матери Земле нашей и ее детях», в которой он обычно воздавал хвалу милосердию... нацистов: «Я могу лишь громко рассмеяться, когда вижу, как люди распространяют страхи и ужасы о своих врагах. Церковь в кровавые времена инквизиции сожгла девять миллионов беспомощных, объявив их ведьмами и еретиками. Верьте мне, я говорю чистую правду». Потом очередь пророчить переходит к брату Донару: «Говорю вам, конец света близок, ибо боги сражаются оружием, которое ярче солнца». Вегетарианец, как и большинство «германцев», брат Форести предостерегает: «Говорю вам, пока существуют на земле бойни для скота, не исчезнут и человеческие бойни на полях сражений».

Наконец наступает время обеда. Сестра Урда гасит свечи, мужчины снимают зеленые одеяния. Брат Вали снова становится Вольфгангом Кантельбергом. Он вышел из национал-демократической партии [1], поскольку она показалась ему слишком левой, и активно действует в ультраправой организации «Акция Сопротивление». За ликом брата Мимира скрывается Гюнтер Садловски. Он инженер-строитель, работает в конструкторском бюро в городе Крефельде, одновременно являясь функционером НДП и бывшим кандидатом этой партии в бундестаг. Из брата Форести вылупляется Альфонс Либиш, некогда эсэсовец, сам он, правда, предпочитает называть себя бывшим садовником... лучшим садовником концлагеря Освенцим.

57-летний садовник из Освенцима любит повествовать о былом: «Во-первых, в концлагерях всегда царили порядок и чистота. Там росло больше цветов, чем в любом парке города. А все ужасы — самая отвратительная ложь этой бандитской еврейской шайки. Да ни у кого из них там и волосок с головы не упал. Один социал-демократ даже поблагодарил меня за прекрасное содержание в течение девяти лет». Сидящие за столом одобрительно кивают. Член НДП Садловски свидетельствует: «Печи были слишком маленькими даже для хлебцев. Как же люди могли бы там уместиться? Сущий вздор!»

Брат Вали и его последователи совершенно убеждены, что только религия может привести молодежь в их лагерь. Вот почему братья, прославляющие бога Одина, и сестры, прославляющие богиню Фрею, не жалеют сил, чтобы соблазнить, перетянуть на свою сторону как можно больше молодых людей: светлые мечты об исцелении мира служат обычной приманкой. Чтобы придать своей псевдорелигии, якобы возрождающей религию древних германцев, очарование таинственности, неогерманцы окрестили приверженцев своего культа загадочным словом «гильфилиты» — в честь первого мифического короля германцев Гильфи.

Отряд гильфилитов, который совсем недавно отпочковался от всегерманского религиозного союза «Годен» (400 членов), стремится соединить не только культ и политику. Под его эгидой самые голубоглазые юноши и девушки должны соединяться узами брака, чтобы стать спутниками на всю жизнь. На этом поприще деятельность секты, естественно, интернациональна — она обслуживает все германские народы. Вот что можно прочесть, например, в ее бюллетене «Одрерир»: «Вдруг он вырос перед нами, богатырь ростом

[1] *Руны и рунические надписи — знаки древнейшего германского алфавита. — Примеч. ред.*

[1] *НДП — неонацистская националистическая организация. Создана в 1964 году. — Примеч. ред.*

более двух метров, стройный и сияющий истинно нордической красотой... Этот отважный швед очень переживает из-за того, что до сих пор не женат. Ведь у каждого человека обязательно должна быть семья. Мы надеемся, что кто-нибудь из вас сможет подобрать ему пару среди своих знакомых или знакомых знакомых».

Поездки и путешествия, которые неустанно организует секта, служат для утоления жажды приключений, столь свойственной юным. Именно с этой целью задумано и странствие к святым камням на берегу Липпе.

Впереди процессии чинно поспешают братья Вали и Мимир, зажав под мышкой чаши для жертвоприношений и свои зеленые одежды. За ними следует жена Вали — Ангелика и их дети: семилетняя Тора, пятилетний Торстен и трехлетний Торвальд. На вершине скалы отец Вали отбивает «молотом плодородия» первое гильфилитское благословение нового дня. И снова жертвенное возлияние драгоценного балканского вина. Западногерманские «германцы» обнажают ножи, совершая обряд освящения оружия. Вали запевает: «Оми-Один-Оми-Один-хар».

Он совершенно счастлив, все идет по плану. Только вот светило, которое они так молили взойти и озарить святые камни, что-то все не появляется. Местность по-прежнему окутана дымкой. Позже солнце все-таки прорывается сквозь пелену тумана, но, увы, уже поздно, гильфилиты заняты теперь другими делами. Они снова сидят в задней комнате гостиницы у алтаря. Брат Форсети поставил свой «фольксваген» у самого входа в отель. В машине, на щитке, прилеплен портрет Гитлера и под ним трогательное изречение:

Как мало нас осталось, стариков,
Великим целям мы верны, как прежде,
Поныне гордость наполняет нас,
С тобой деливших судьбы и надежды.

Перевела с немецкого
И. ПОРУДОМИНСКАЯ
(«Штерн», ФРГ)

„ВЫ НЕ СМОЖЕТЕ ПОНЯТЬ..."

Леонора СИМОН,
французская журналистка

...Женская тюрьма. Тишина, тисками сжимающая заключенных, у которых есть только одно право — повиноваться, одна обязанность — молчать. Две бывшие заключенные Катрин Эрель и Катрин Лэгэ попытались сломать эту стену молчания, они написали книгу о себе, о тех, с кем провели долгие годы. Эта книга — вопль отчаяния, его нужно услышать, даже если это трудно.

Это трудно, потому что вы не почувствуете неистребимого запаха старых стен и застиранного белья, не почувствуете отчаяния и безнадежности, скрытых за этими стенами. Но вы можете попытаться понять, каким образом удается довести женщин до такой согбенности и униженности, полной потери человеческого достоинства. Словно тени, безмолвные и безликие, они таятся по углам своих камер. И когда вам покажется, что вы уже все поняли, вы услышите, как заключенные говорят друг другу: «Ну, наконец-то я здесь. Хоть отдохну немного». Да, многие женщины говорят, что только в тюрьме и жили по-человечески. Каково же им было на воле? Катрин Лэгэ знает ответ на этот вопрос. Из своих 28 лет — пять она провела в тюрьме и знает, какой путь ведет туда.

— Все преступления женщин, — говорит она, — несут клеймо условий их жизни, клеймо нищеты и отчаяния. Это кражи, драки, убийства. Дерутся всегда. С детьми. С мужчинами. С соперницами. Но чаще всего их бьют. Бьют все, кому не лень, у кого есть сила. Слова «свой дом», «свой очаг» внушают им ужас. Они знают, что это значит нищета удесятеренная, побои ежедневные, «по-домашнему», когда и полиция не защитит.

— Нас было дома восемь малышей на иждивении матери, — рассказывает Катрин. — Отца мать прогнала, с ним было еще хуже. Мать часто говорила: «Господи, хоть бы вы провалились в тартарары!» Или еще: «Запихну вас всех в мешок, завяжу веревкой и швырну в Сену». И все же она нас любила. Просто ей хотелось, чтобы мы хоть ненадолго исчезли из ее жизни, чтобы она могла, наконец, спокойно вздохнуть, выспаться, не думать о том, чем накормить восемь вечно голодных ртов.

Мы, дети, очень рано поняли, что мы ничто, даже в глазах таких же, как мы, голодных и нищих. Чтобы представлять из себя что-то, надо что-то иметь, чем-то владеть. На этом построено все наше общество. Или человек чем-то владеет, или он просто не существует. Мальчишки начинают угонять машины в 12 лет. Чтобы набить себе цену в глазах товарищей. Я шла тем же путем. Желание владеть. Желание потреблять. Чтобы существовать, чтобы получить признание других, нужно было владеть чем-то. Невзирая на страх. Невзирая на тюрьму.

Подростков, предоставленных самим себе, тянут в разные стороны. Они очень быстро и вполне самостоятельно начинают действовать. Сначала это безделица, которую они тащат с прилавка, но очень скоро кражи становятся все крупнее, чаще. Это поднимает их ценность в глазах тех, кто «не осмеливается», и таким образом они обретают признание. Совсем не случайно, что 22 процента заключенных приходят в тюрьмы из самой неимущей части общества.

Те, кто отваживается на кражу, не против труда как такового. Если бы я, например, могла учиться (а в детстве мне хотелось быть врачом), то ничего подобного со мной бы никогда не случилось. Но перспектива влачить жизнь такую же, как у моих родителей... Все, что угодно, только не жизнь моего отца и моей матери.

Чтобы всем было спокойно, — объясняет Катрин, — властям необходимо обозначить словом «плохие» тех, кто совершает недозволенное, и словом «хорошие» тех, кто живет по общепринятым нормам и продолжает быть послушным даже в нищете и угнетении. Те, на кого можно указать пальцем, — вот они, плохие, — служат своего рода мишенью для разрядки всеобщей ненависти и страха. И эта ненависть и страх обрушиваются на «плохих» сразу же, как они выходят из тюрьмы. Так что есть все условия для рецидивов преступлений и, конечно, для возвращения в тюрьму. Это тем более понятно, что 16 процентов заключенных женщин абсолютно неграмотны, а другие едва достигают уровня пятиклассника.

Когда Катрин в 17 лет попала в тюрьму во второй раз, она решила подготовиться к экзаменам за среднюю школу.

— Я поняла, — говорит она, — мелкие кражи и другие мошенничества не могут изменить ни моего положения, ни положения других. Я больше не заблуждаюсь, кто мой враг. Это не ювелир, которого я ограбила, а всякий хозяин, который наживается на труде и нищете трудящихся.

Перевела с французского
И. ЖУКОВА
(«Юманите диманш», Франция)

„КТО". И КТО ПОТОМ?

Старые скалы стоят
высоки, Энни,
И мир кажется им
маленьким, Энни,
Но когда они
разрушаются, Энни,
Во что они
превращаются?

Пит Тауншенд и Ронни Лэйн, песня «Энни» из пластинки «Дикая смесь».

Пару лет назад в каком-то журнале я увидела фотографию Элтона Джона, Эрика Клаптона, Йони Митчелл, Мика Джеггера и Пита Тауншенда, сделанную на некоем рок-музыкальном рауте. Оживленные лица, сияющие глаза, смешные позы: мы веселимся, мы свои люди, мы себе нравимся. Обыкновенная фотография из раздела светской хроники.

Я листала журнал дальше, но эта фотография почему-то застряла в памяти, заставила к себе вернуться. Я присмотрелась: ну конечно, вот почему она показалась мне странной — из-за лица Пита Тауншенда. Оно выпадало из этого продуманного веселья «на объектив» — невеселое, растерянное, раздраженное. Наверное, у него что-то случилось нехорошее, и в этом нехорошем виноват он сам, и он это понимает, и не может себе простить — фантазировала я, а потом подумала: да, может, ему просто ботинки жмут или еще какая чепуха, а я уж напридумывала...

Я вспомнила эту фотографию, когда прочла недавно в «Нью Мьюзикл Экспресс» рассказ самого Тауншенда о том, что происходило с ним в то время:

«...Смелость нужна была, чтоб на-

писать это, поскольку вот уже два года я не общался с прессой. Смелость нужна была, и я набирался ее, заставляя себя сидеть перед машинкой, а потом просто взял и начал писать.

Когда-то я был болтлив, драчлив и успешен в ссорах с журналистами. Потом замолчал надолго, но молчание, как известно, помогает думать, и вот теперь я рад, что могу объективно взглянуть на прошлое, на наши отношения в группе, и попытаться что-то объяснить.

Возможно, в будущем я снова приобрету дурную привычку работать языком, а не руками, руками, для которых все же есть куда более ценное занятие, чем письмо: игра на гитаре, игра с детьми».

Почему смелость? Что произошло, что нужно объяснять, почему он замолчал? Читать рассказ Тауншенда было интересно, да и написан он был, судя по всему, честно. Читать его было интересно еще и потому, что Пит Тауншенд — лидер ансамбля «Ху» («Кто») — один из самых видных представителей английской рок-музыки, и узнать о том, что с этой музыкой и в этой музыке происходило, из первых уст, — это ли не любопытно. Однако сама исповедь вызывала множество вопросов, и, чтобы хоть как-то разобраться в ней, стоит, видимо, начать с самого начала ансамбля «Ху».

начало

«Ху» выросли в лондонском клубе Шепердз-Буш и были «модами» — движение «модов» возникло в начале шестидесятых годов и достигло наивысшей точки в шестьдесят четвертом. Вернее, «моды» — это не то, чтобы движение, это была (простите за каламбур) мода. На мотороллеры, жевательную резинку, сомнамбулические танцы в одиночку. На обилие нарядов. На демонстративный эгоизм. И, для пущего шика, на наркотические таблетки. Словом, на все те забавные формы «протеста», которые могла предложить небогатая фантазия выходцев из мелкобуржуазной среды.

Свою философию «моды» формулировали кратко: «Будущее — отвратительно, родители — отвратительны, скука — отвратительна, работа — отвратительна» и так далее.

Итак, Шепердз-Буш был одной из цитаделей «модов», и «Ху» стали ведущей мод-группой. «Ху» была шумной группой: войдя в раж, Пит Тауншенд, бывало, обрушивал свою гитару на усилители и разбивал ее в щепки; Роджер Долтрей, вокалист, кидал микрофон словно пращу или исступленно колотил им о барабаны; Кейт Мун, ударник, сидел за своей установкой и работал руками так бешено, словно их у него было не две, а все двадцать две; Джон Энтуистл свирепо терзал бас-гитару. Тауншенд держал свою гитару как автомат, зловеще нацеленный в зал. Они ухитрялись так взвинтить зрителей, что безобидный инструмент казался скорострельным автоматом, и юная публика в восторге и ужасе пыталась укрыться от наведенного на нее смертоносного «дула». Короче, довольно обычная картина рок-концертов.

Тауншенд тогда говорил: «Все это символизирует саморазрушение. «Моды» саморазрушаются, чтобы не входить в фальшивый мир». Высказывание торжественное. Тауншенду тогда было девятнадцать лет.

Он вырос в семье руководителя танцевального оркестра и был с детства знаком с бытом и нравами индустрии развлечений. Он решил во что бы то ни стало стать лидером поп-группы, сделать ее популярной и добиться славы.

Сам Тауншенд «модом» никогда не был, просто, случайно попав в Шепердз-Буш и обнаружив, что никто из «модов» не додумался создать свой клановый ансамбль, он понял, что напал на то, что искал. Новоиспеченный ансамбль поначалу принял название «Хай Намберз», под которым выступил впервые в 1963 году. Их услышали Кит Ламберт и Крис Стэмп и предложили себя в менеджеры. Ламберт и Стэмп были начинающими в кинобизнесе, но оба готовы были попробовать сделать деньги на «проталкивании» какой-нибудь группы. А «Хай Намберз» играли неплохо. Да и Тауншенду молодые менеджеры показались полезными: раз они из мира кино, значит, какие-никакие связи есть...

С самого начала ансамбль заявил о себе довольно своеобразно — как сборище психопатов. Один невротик, другой неврастеник, третий невропат... В течение многих лет редко какая неделя обходилась без более-менее серьезных скандалов. То «Ху» собирались разойтись или уйти от Ламберта — Стэмпа, то Ламберт — Стэмп собирались бросить «Ху», то все были просто обижены друг на друга.

Катастрофы, конечно, не происходило, ибо все это было пантомимой, разыгранной под умелой режиссурой Тауншенда. Он знал законы индустрии развлечений и выполнял два ее главных требования: 1) чтобы о тебе заговорили, делать что-то, что отличается от того, что делают другие, — этого они достигли, первыми став певцами «модов»; 2) чтобы о тебе продолжали говорить, необходимо чем-то постоянно напоминать о себе прессе — этого они добивались, держа поклонников под постоянной угрозой своего распада.

Не стоит, конечно, полагать, что высот «Ху» добились лишь благодаря этим нехитрым трюкам: дело, безусловно, в таланте Тауншенда — поэта и композитора. Он проявил себя как жесткий, умелый руководитель и добился того, что ансамбль стали слушать — но при этом песни, которые он писал, принадлежали как бы другому человеку: нервному, ранимому, торопливо выговаривающему в песнях то, что накопилось в душе. В этом не было ничего странного — тонкий и нервный художник вовсе необязательно должен быть «человеком не от мира сего».

Тауншенд говорил от имени юноши немного простоватого, немного растерянного, немного озлобленного. Он пел об ошеломленности своего героя, который понимает, что все предлагаемое ему не то, но что то — понять не может:

Я кто-то другой,
Я подменяю кого-то.
Кажется, что я высок ростом,
Но поглядите —
У меня просто высокие каблуки.
Все простые вещи,
Которые я вижу, — очень сложны.
Я выгляжу молодым,
Но мне кажется, что я стар...

Он был хроникером тинэйджеровских жизней. Особенно типична в этом смысле песня «Мое поколение»: «моды» пытаются как-то оправдать свои поступки, объясниться, они обижены и злы, но не могут сказать, почему, и только невнятно бормочут. Чем больше они стараются сосредоточиться, тем больше запутываются. В песне эти невысказанность и растерянность звучат так:

Над нами издеваются
Только потому, что мы существуем.
Все скверно, везде холод.
Надеюсь, я умру раньше, чем
состарюсь.

Проникновенность песен Тауншенда заставила говорить о нем серьезных критиков. «Ху» добились стабильного высокого положения в таблицах популярности (Ламберт и Стэмп не прогадали). После этого ансамбль перестал бушевать на сцене — этого больше не требовалось. К концу шестидесятых исчезли бесследно и «моды», а «Ху» стали одной из признанных групп, почти такой, как «Битлз» и «Роллинг Стоунз». Проще говоря, они постепенно превращались в «солидных граждан» — они шли по тому пути, который завел тех же «Битлз» в тупик и привел к распаду.

продолжение (I)

«Тогда, в семьдесят пятом, я чувствовал себя лицемером: я стоял перед тринадцатилетними детишками и пел им «Мое поколение».

Я был стареющим папашей рока, меня считали Эталоном, мерой рок-музыки, но этому эталону я сам уже не соответствовал. На моих щеках играли желваки, как у Марлона Брандо в роли дона Карлеоне [1]. Да только у меня они были не от шариков ваты, которые гримеры засовывали Брандо за щеки перед съемками; у меня это были десятка с два «поднимающих дух» таблеток, я пихал их в рот с глумливой усмешечкой, а потом никак не мог проглотить.

Я чувствовал себя опустошенным, усталым. Я был в проигрыше. Жизнь напоказ, которую навязывали «Ху» окружающие, непристойность юмора, отчаянные пьянки — все это не шло на пользу ни телам нашим, ни душам. А после обнаруживалось, что все, что глодало твою душу, так и лежит нетронутым на дне ее.

Мне хотелось бросить все.

Нет, я вовсе не хотел бежать от людей, которых я люблю, от близких моих, но мне хотелось удрать от всех тех вещей, к которым я стал так привязан, что не мог уже трезво оценивать их. Все то, что я имел, давило мне на плечи, как давит калеке горб: тяжелый, но — вне поля зрения, как ни оглядывайся, не увидишь...

Я чувствовал, что предаю себя, как художник...»

В семьдесят шестом году в «Нью Мьюзикл Экспресс» была опубликована статья о тех рок-музыкантах, которым за тридцать (Тауншенд тоже назывался в их числе). Основная мысль статьи: «Массовый кризис сознания овладел теми, кто начинал делать рок-музыку, хотя многие из них играют сейчас даже лучше, чем вначале».

---

[1] *Речь идет о фильме американского режиссера Ф. Копполы «Крестный отец», в котором Марлон Брандо играл главаря нью-йоркской мафии дона Карлеоне. — Примеч. ред.*

Они мучились оттого, что их деятельность начинала терять смысл. Когда Таунщенд писал «Мое поколение», он писал о том, что волновало его сверстников. Сверстники повзрослели, а новое поколение, пришедшее на концерты «Ху», волновали уже иные вопросы. Ответа на них «Ху» не знали. Более того, они не знали и самих вопросов, потому что даже по возрасту оторвались от тех, кто сидел теперь в зале.

Но главное-то, конечно, не в возрасте. Поскольку рок-н-ролл существует уже добрых два десятка лет, можно говорить об определенных законах его развития. И стало ясно, что, когда рок-музыка, прозванная музыкой бунта, «упаковывается» в большие деньги, она перестает быть музыкой бунта. Группа добивалась вершин в таблице популярности, начинала получать приличные деньги, проходил какой-то период «жизни наверху», и кто-то раньше, кто-то позже обнаруживал, что главное их стремление — «Не быть замешанным в истэблишмент», — оборачивалось самой что ни есть замешанностью. Конечно, можно было бы на все плюнуть и уйти, но деньги-то приличные...

Темы, которыми в начале своего пути были одержимы рок-музыканты, они брали с улицы, они пели о том, что волновало их ровесников. Забравшись наверх, они уже переставали быть «как все», к тому же они приносили фирмам грамзаписи такие барыши, что фирмы начинали оберегать их от всяких внешних влияний, как оберегают владельцы скаковых конюшен призовых лошадей. Мир рок-музыки становился похож на Голливуд двадцатых-тридцатых годов. Как и кинозвезды или звезды профессионального спорта, музыканты оказались погруженными в тепличную атмосферу, в которой произрастали свары, сплетни, скандалы («Жизнь напоказ, которую навязывали «Ху» окружающие»). Этот мир был миром «таких, как мы» (на вечеринке, на которую собрались объединенные этим гордым «мы», и был сделан запомнившийся мне снимок).

Как-то мне попалась карикатура: один облысевший рок-музыкант говорит другому: «Критики упрекают меня в том, что я оторвался от улицы, так я приказал своему менеджеру купить для меня вот эту».

Время от времени кто-то из музыкантов, в ком остались честность и уважение к себе прежнему, делает попытки разорвать кокон, «вырваться на свободу». Это пытался сделать Боб Дилан, это пытался сделать Джон Леннон, это пытается сделать Пит Таунщенд:

«Что главное в жизни? Раньше я думал, что для меня это ясно. Я люблю жену, двух наших дочек, мою работу и людей, с которыми я встречаюсь, мой дом, поля на рассвете, плеск рыб в реке, лица прохожих.

Все это прекрасно.

Но как жить дальше? Что теперь?»

Боль зрела, и разразился взрыв. Взрыв, который мог привести к распаду «Ху».

«Вместе с Кеном Расселом [1] я работал над фильмом «Томми». Кен — удивительно стимулирующий партнер, и его одержимость работой настолько вдохновляла меня, что и я работал на пределе своих возможностей. И свои силы я не рассчитал.

Дело в том, что мы все в «Ху» обычно чувствовали после концертов необыкновенный прилив энергии. Легко было ошибиться и принять это естественное возбуждение за некий Знак Гения, постоянно пополняющий наши жизненные ресурсы, щедро впрыскивающий адреналин в кровь. Я не был гением. и переоценил себя.

Я заявил менеджерам, что не буду больше гастролировать. Я смешал в одну кучу два моих тогдашних занятия — сценариста и композитора фильма и участника ансамбля, и решил, что это работа с «Ху» виновата в моей усталости. Помнится, я даже сказал, что с ансамблем вообще пора кончать. Теперь-то, оглядываясь назад, я понимаю: именно в выступлениях с группой черпал я энергию.

Я слетел с тормозов и дал несколько интервью лондонской прессе. Со мной случилось самое ужасное, что только могло случиться: я принял обыкновенный интерес журналистов ко мне как рок-музыканту за симпатию, сочувствие ко мне — просто человеку. И вот я выболтал все мои страхи и разочарования, обвиняя во всем нашу группу».

Сейчас, вспоминая о том своем состоянии, Таунщенд приписывает все усталости. Но дело было не в усталости. В том «роковом» интервью он сказал одну фразу, точно определявшую всю его разочарованность: «Вначале я не понимал, что рок-музыка — это вторичное. Ею мир не переделаешь». В интервью он говорил и о группе: «Группа наша должна понять, что «Ху» уже не те, кем были раньше»; и об аудитории: «Когда я гляжу со сцены в зал, я вижу те же лица, что и на всех наших прежних концертах».

Он говорил об отношениях, которые возникли между ним и Роджером Долтреем (Долтрей всегда претендовал на лидерство): «Когда Роджер говорит о том, что мы будем играть рок-н-ролл, даже сидя в инвалидных колясках, он говорит о себе — меня же никто не заставит играть рок до старости... Забудьте старый миф, будто рок-н-ролл — это просто запись пластинок и вообще красивая жизнь. Все это не так, но Роджер считает рок-н-ролл именно таким».

В опубликованном на следующий день интервью возмущенный Долтрей выразился коротко и энергично: «Я вышибу из него мозги». Журналисты спрашивали: «Может ли «Ху» выжить?» Журналисты высказывали и сомнения: а вдруг «Ху» вспомнили свои старые трюки и просто дурачатся?

продолжение (II)

Пит действительно сломался. Но ансамбль был его детищем, делом его жизни, и дело это надо было спасать:

«Сейчас я понимаю, что хотя мы оба оказались жертвами манипуляций прессы (потому я поклялся больше никогда не общаться с ней, но, как видите, сам же и нарушил это обещание), осмеяние, которому Роджер подверг мои вопли, пошло мне на пользу: как говорится, когда ты на самом дне, даже сточная канава может оказаться дорогой вверх.

В августе семьдесят пятого мы кончили записываться и получили месяц отпуска. И вот мы с женой решили съездить к друзьям в США...

Перед тем как уехать из Англии, я написал Роджеру письмо. Я писал, что все раздоры между нами были глупы, ненужны и что я надеюсь вновь заслужить его уважение.

Из Нью-Йорка я послал ему еще одно письмо. Я писал, что всегда буду поддерживать его — что бы он ни делал.

В жизни всегда есть время, чтобы написать письмо. Время, когда окна открыты настежь и память возвращает вам нежные голоса девушек, шепчущих ваше имя. Время, когда рядом спокойно играют дети, и вы, говоря с кем-то о чем-то, вдруг вспоминаете, как дурно вы относились к друзьям, как невнимательны, жестоки были.

Один мой нью-йоркский друг дал мне простой совет: «Позволь Роджеру быть лидером». И действительно, только так мог я объяснить Роджеру, что то, о чем я писал ему, — правда. И мне стоит склониться теперь перед новым статусом группы — за «Ху» перед слушателями будет отвечать Роджер, а не я.

Оно и правильно — я часто несся вперед, как закусившая удила лошадь, а у Роджера всегда был более трезвый взгляд на мир».

Смирение Пита Таунщенда было продиктовано еще одним обстоятельством: его обращением к религии, в которой он надеялся обрести новые идеи для своего творчества, новые темы для своих песен, новую веру в себя. Поиски его не единичны — по этому пути шли многие, не сумевшие найти духовной опоры в окружающей действительности. Они искали бога в Индии, в Японии, в индейских вигвамах — бог весть в каких экзотических религиях — исключая христианскую, поскольку и Христос в их глазах запятнал себя связями с истэблишментом.

Пит Таунщенд стал приверженцем индийского проповедника Мехр Баба, и у него возникает иллюзия, что в этом его спасение как художника. Надолго ли?

Из «Ху» он не ушел, но поскольку ансамбль перестал быть рупором его идей (остальные не разделяют его богоискательства), он все чаще выпускает теперь сольные пластинки. Последняя его запись — «Дикая смесь» — сделана вместе с Ронни Лэйном, бывшим участником группы «Фэйсиз» и единоверцем Таунщенда. На пластинке есть песня про мальчика Дэнни: «Дэнни копит на новую гитару, Дэнни умеет на ней играть, да только не достигнет он ничего, потому что у него пуста душа». Чем наполнить ее? Пит Таунщенд пытается свести все сложности жизни, все ее неустройство и противоречия к отсутствию в людях веры в бога.

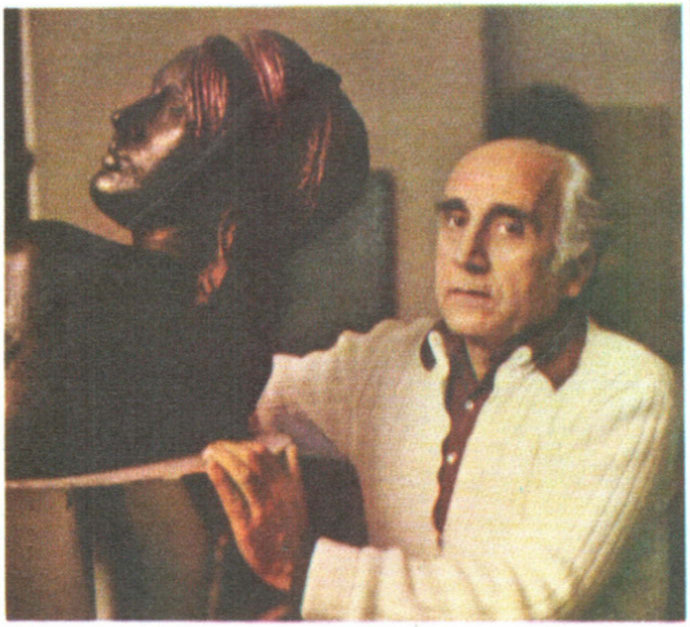
Верит ли он сам в это? Этот вопрос Таунщенд задает себе в своей исповеди:

«Однажды я встретил человека, который бросил все и пустился в странствия. Он был счастлив, он был полон каким-то светом. Но как долго может длиться такое счастье? Когда к тебе приходит понимание истинной цены жизни, ты ужасаешься сначала, потом усваиваешь его, и что остается? Что дальше? Еще жизнь. Еще опыт. Еще иллюзии». Еще иллюзии.

Б. КОМОВА

---

[1] *Кен Рассел — известный английский кинорежиссер, поставил два фильма с участием ансамбля «Ху»: «Томми» (по одноименной рок-опере, написанной Таунщендом) и «Листомания» — о композиторе Ференце Листе. — Примеч. ред.*

СКУЛЬПТОР-ПОЭТ И ПОЭТ-ХУДОЖНИК

«Открытием нового Греко» назвала пресса Италии опубликованную недавно книгу стихов известного итальянского скульптора Эмилио Греко. Скульптуры Греко украшают музеи и площади многих стран мира. Недавно прошла его выставка и в Москве.

«Меня интересует человек, красота его тела, величие его духа. А мои стихи — их можно считать лирическим путеводителем по моей мастерской, мастерской ремесленника. Да, я называю себя ремесленником, потому что больше всего в человеке ценю силу и умение его рук — это и есть самое высокое творчество», — говорит Эмилио Греко.

И второе открытие — ставшая доступной любителям живопись Пьера Паоло Пазолини, известного поэта, писателя, кинематографиста (он был зверски убит фашиствующими молодчиками в 1975 году). Здесь вы видите репродукцию его автопортрета.

ИЗ ЛУВРА С ЛЮБОВЬЮ

Леон Макуза безутешен: пришла пора уходить на пенсию, пришла пора расставаться с возлюбленной, с Джокондой. Чтобы смягчить горечь разлуки, жена Макуза, художница, написала для него множество картин: вот Макуза спасает Мону Лизу из огня, вот Макуза спасает Мону Лизу от взломщиков, вот Макуза спасает Мону Лизу от террористов...

Леон Макуза уходит на пенсию и оставляет пост, на котором он простоял всю жизнь, — пост в Лувре. Макуза был стражем Джоконды. Он был ее защитником. «Каждый раз, когда в утреннем полумраке, по еще пустым залам я шел к ней, я чувствовал себя как юноша, идущий на первое свидание с любимой. У меня часто спрашивали, особенно американские туристы: сколько стоит Джоконда, хау мач? И я отвечал вопросом: а во сколько вы оцениваете жизнь?

Я прожил долгую жизнь, но так и не успел вдоволь наглядеться на ее лицо».
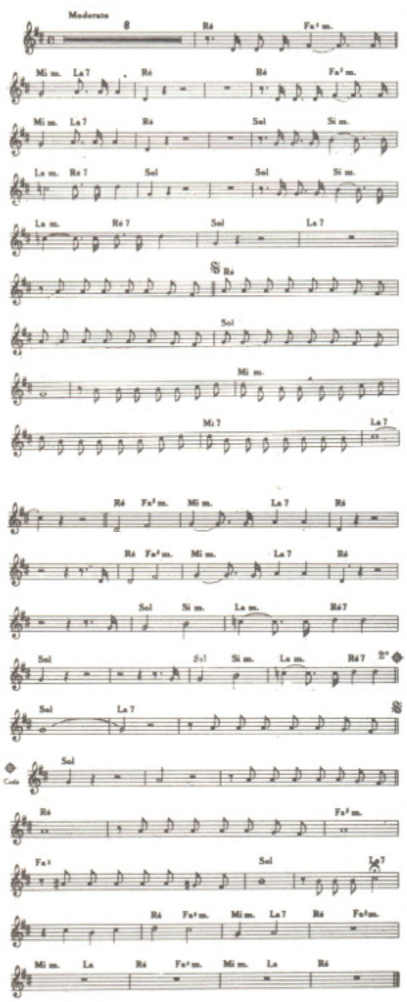

МАРЛЕН СНОВА И СНОВА

Когда продюсеру Иешуа Синклеру удалось получить согласие Марлен Дитрих сняться в его новом фильме «Наемный танцор», ему уже виделись очереди у касс и переполненные кинотеатры.

И вот после семнадцатилетнего перерыва Марлен Дитрих вновь появилась на съемочной площадке: еле передвигавшую ноги старуху с трясущейся головой и лицом, закрытым густой вуалью, ввели под руки. Дребезжащим голосом старуха сказала, что гримироваться будет сама, и унылая процессия скрылась в артистической уборной. На съемочной площадке воцарилась гробовая тишина. Через десять минут дверь открылась, и на пороге стояла вечно прекрасная Марлен. Когда же она, танцуя, спела свою знаменитую песню «Наемный танцор», которая дала название и фильму, — аплодировали все: от осветителя до режиссера. В прекрасном настроении была и Марлен: ее маленький спектакль удался на славу. По этому поводу и была сделана фотография, которую вы видите.

КОГДА СВЯТЫЕ ПРОТЕСТУЮТ

По просьбе читателей мы публикуем песню известного французского шансонье Сальваторе Адамо. Песня эта в репертуаре Адамо давно, но сейчас она приобрела особую актуальность — французская молодежь поет ее на митингах протеста против нейтронной бомбы. Песня эта шуточная: Адамо рассказывает о том, как в свое время от атомных грибов, которыми пентагоновские вояки засорили небо, у святых начался ужасный аллергический насморк. А уж когда небожители чихать начинают — тогда берегись, человечество: «Чиханье это словно гром! Так лучше не ждать, пока гром небесный поразит всех, а собраться и своими земными силами остановить тех, кто пытается сеять атомную смерть».

Arrête-toi l'ami, fais attention
(Parlé: L'eau est froide)
Si tu n'est pas verni, la solution
(Parlé: C'est pas la noyade)
Car si tu refléchis, tu comprendras
(Parlé: Que si tu t'enrhumés)
Ici au Paradis, on héritera
(Parlé: De ton rhume posthume)
Surtout depuis un certain temps
On n'est plus heureux comme avant
Car on n'a plus cett' santé d'fer
Pour résister à Lucifer
Car depuis la bombe atomiqu'
Dans l'ciel y'a plus qu'des champignons
On bouff' plus qu' çà c'est fatidique
On r'grett' le bon temps des rognons.
Saint Pierr' collectionn' les tics
Le pauvre il marche en sursautant
Dés qu'il entend l'moindre déclic
Il se met à grincer des dents.

On ne vit plus qu'dans l'amertume
Et p'tit à p'tit on s'habitue
Mais si toi tu leur fil'ton rhume
Et qu'tous ensemble on éternue
Ça f'ra un orag' du tonnerr'
Ça f'ra d'la pluie des enrhumés
Beacoup devront quitter la terre
On pourra pas les refuser

Et tous les saints s'ront anrhumés
Ils voudront s'chauffer en enfer
Ils vont ressortir tout enfumés
Ils vont ressembler à Lucifer

Mais allons mon gras ne te noie pas
Tu vas foutr le monde à l'envers
Mais si tu tiens tant au trépas
Achète-toi un révolver.

КТО ПОМОЖЕТ ЛЮДЯМ-ПТИЦАМ?

В то утро Эйфелева башня принимала необычных посетителей: лучшие французские прыгуны с шестом демонстрировали свое мастерство на ее кружевных площадках. Среди зрителей был и один из инициаторов этого спортивного спектакля Жан-Клод Перрэн. Его называют «профессором прыжка», среди его воспитанников пятнадцать рекордсменов. Но самая большая гордость тренера — не прославленные чемпионы, а команда тридцатилетних рабочих из пригородов Парижа. «Эти люди с 15 лет стоят у станка по 45 часов в неделю, а то и больше, но после года тренировок они берут высоту 4 метра. А это высота ценнее, чем пять с половиной метров чемпиона Франции», — говорит Перрэн.

Его девиз — «Радость полета должна быть доступна всем!» Перрэн надеется, что «люди-птицы в центре Парижа подтолкнут меценатов помочь тем, кто еще только учится взлетать».

МАСТЕРАМ ВОЙНЫ

Если вы, дорогой читатель, помните, в № 5 за этот год мы рассказывали о том, что Голливуд готовится выпустить несколько фильмов о войне во Вьетнаме, фильмов, рассчитанных на то, что обыватели забыли позор этой войны.

И еще: если вы помните, в свое время актриса Джейн Фонда отказалась от присужденного ей «Оскара» в знак протеста против этой войны.

И вот Джейн Фонда в фильме о войне, в фильме, который позора забыть не дает. Он называется «Возвращение домой», Фонда в нем играет жену моряка, воюющего во Вьетнаме. Она добровольно работает в военном госпитале, ухаживает за ранеными и с нетерпением ожидает возвращения мужа. И он возвращается цел и невредим, возвращается... «Лучше бы он погиб, лучше бы мне не ждать его, — говорит героиня Джейн, — война превратила его в зверя, в палача».

ЧЕРТ НА ЧАС

Раз в десять лет в Сордеволо можно видеть чертей. В Сордеволо можно встретить и ангелов, но черти пользуются все же большей популярностью у туристов, которые вот уже больше века раз в десять лет отправляются к ним в маленький итальянский городок. В Сордеволо проходят представления средневековых мистерий, и жители города спорят за высокую честь играть в них вурдалаков и колдунов, ведьм и прочую нечисть — всех тех, кем в сказках пугают детей. А дети — раз в десять лет — имеют шанс хорошенько испугать взрослых.

о цене „верной" и истинно верной

В Оттаве украли полицейского. Похитили почти при мне: я входил в ресторан — он стоял на пороге, бравый унтер Королевской конной полиции в красном мундире и широкополой шляпе, с ружьем и саблей; выходил — ни ружья, ни шляпы, ни унтера. На следующее утро в пресс-центре чемпионата мира по фигурному катанию было распространено слезное коммюнике: пожалуйста, верните полицейского!

Казалось бы, парламентарию Отто Джелинеку предоставлялась прекрасная возможность внести еще один запрос о «кознях русских шпионов». Мы с вами помним по сообщениям газет, какая антисоветская кампания была раздута в Канаде нынешней весной, когда местные власти выдвинули необоснованные, чисто провокационные обвинения в «недозволенной деятельности» по адресу ряда сотрудников советских учреждений. Знаем мы по газетам и то, какую роль играли в этой кампании именно королевские конники, которые не столько занимаются рубкой лозы и вольтижировкой, сколько исполняют обязанности, близкие функциям американского ЦРУ (вот что за персону стибрили!). А Джелинек (он же — Елинек) — один из главных местных «ястребов», набыченный лысоватый господин, бывший чехословацкий подданный, бывший чемпион мира по фигурному катанию, ныне политический делец крайне реакционного толка.

Однако на сей раз запроса не последовало — Джелинек как ни в чем не бывало попивал бесплатный кофе в пресс-центре чемпионата, где ловко аккредитовался вместе с женой в качестве представителя телекомпании Си-ти-ви.

Украденный полицейский был деревянный — хотя и сделанный так, что с пяти шагов от живого не отличишь. И кого из журналистов, изрядно, видимо, хлебнувшего на банкете в том ресторане, осенила идея прихватить оригинальный сувенир, оставалось неизвестным. Грешили на местных или на американцев: подобные шалости — в их духе.

Давно замечено, что американцы (да и канадцы тоже) более, чем европейцы, непосредственны, ребячливы в поведении. Мы, журналисты из Европы, приходим в пресс-ложу в чинных костюмах, при галстуках, они — в джинсах, ковбойках, черт те в чем. Мы прикрепляем к лацкану официальный знак-удостоверение из пластика, и только; они цепляют все значки и бляшки, которые можно прицепить. Мы сдержанно, с лицами снобов, наблюдаем за происходящим на арене и черкаем карандашами в блокнотах, они хлопают, кричат, ликуют и негодуют. Они меня толкали, призывая активнее аплодировать — причем, кто бы ни выступал, каждый должен был получить свою долю восторга.

Как правило, ложа прессы отделена от зала, в Оттаве она представляла собой обычный сектор, и ваше место обозначалось листком бумаги с фамилией, наклеенным на подлокотник. Гарантией, что место не займут, это не служило. Но нет худа без добра: попав в такую ситуацию, вы словно погружались в море страстей зрителей, и чувства, испытываемые и выражаемые ими, усиливали и обостряли ваши собственные чувства.

В Канаде прекрасный болельщик — пылкий, громогласный, но при этом понимающий и тонкий. Нет, он не вопит, как зарезанный, что называется, от звонка до звонка, не бросает вниз конфетти и серпантин, подобно неистовым аргентинцам, которых мы наблюдали по телевизору во время мирового футбольного чемпионата. Он, этот квалифицированный болельщик фигурного катания, взрывается лишь тогда, когда перед ним истинный повод для взрыва.

Десять тысяч зрителей, как один, вставали и разражались овацией,

когда курносый канадский мальчик Тэйлор — приземистый, на низких мощных ногах, как большинство лихих прыгунов — ввинчивался в воздух в невиданном тройном акселе;

когда плавали по льду и летали — широко и длинно, как журавли — юный изящный американец Гарднер и его долгоногая, долгорукая оливковая партнерша со странной фамилией Бабилония; мать у нее мулатка, отец — гаваец, и вави-

лонская эта фамилия вызывает в памяти теории Хейердала об океанских путешествиях тростниковых лодок;

когда вращалась, вияcь и перевиваясь всем телом, швейцарская девочка Бильманн, и мелькало в волчке ее простодушное, круглое, деревенски милое лицо;

когда непостижимо нанизывала прыжок на прыжок русская девочка Водорезова, живая стальная проволочка с веселыми флажками косиц...

Зрители вставали, как один, и разражались овацией,

когда кучерявый американец Тикнер, похожий на молодого плотника, побеждал представителя ГДР Хофмана, похожего на молодого доцента,

и когда озорная девушка из Карл-Маркс-Штадта Петч побеждала грациозную девушку из Сан-Франциско Фратианни...

Но какие же овации были, как грохотал зал, когда Зайцев подбрасывал вверх Роднину, и она, распластавшись в полете, рыбкой ныряла в его объятия...

Но какой триумф венчал в показательном концерте выступление Моисеевой и Миненкова, которые, проиграв накануне своим соотечественникам Линичук и Карпаносову, нежно и горестно станцевали микро-балет о двух влюбленных, о юных итальянцах, чью историю придумал великий англичанин Шекспир и положил на музыку великий русский Чайковский...

Не видал я подобного триумфа.

У меня есть слабость — телевизор. В отеле он был большой, цветной, и его шестнадцать каналов работали с полной нагрузкой день и ночь. По одному — мультики, по другому — баскетбол, по третьему — реслинг, слюнявая и пыхтящая разновидность жульнической цирковой борьбы, по четвертому — комедия, в которой, когда очередной неудачник в очередной раз плюхается на торт, электронный ящик сам разражается хохотом, чтобы вам не в одиночку хохотать.

Впрочем, что там дальше с джентльменом на торте, вы узнаете лишь после рекламного ролика. Такого, например: папа, мама, трое детей и роскошный рыжий колли пляшут и скачут при виде бабуленьки, которая принесла им в подарок — что бы вы думали? — конечно, самоновейшее средство от дурного запаха изо рта. Покупайте — не пожалеете, покупайте и будете счастливы.

Фестиваль вещей, парад возможных покупок ослеплял и оглушал, но вершиной, мажорной симфонией вещизма был транслируемый ежедневно из США телеконкурс — я не мог оторваться от этого зрелища — настолько оно было выразительно и символично.

Конкурс назывался «Райт прайс», — «Верная цена». Из зала студии вызывались зрители — по жребию — чтобы угадать цену представляемых им предметов. В первом туре фигурировали вещи подешевле — от теннисной ракетки до разве что бара. Тот, кто угадывал цену предмета, получал его, но мог и отказаться — для участия во втором туре, где выставлялись авто, мебельные гарнитуры, яхты.

Какой же на экране развертывался спектакль! Восторг приобретения чередовался в нем со скорбью утрат. О, как визжала, как билась в истерике девушка, которой перепала двуспальная кровать, как бледнел — до лиловости — смуглый солдатик, отринувший сбивалку для коктейля, чтобы рискнуть на «форд», как заходилась в родимчике его невеста, найденная в зале безжалостной камерой! Как старушка — божий одуванчик, добрая сказочная бабушка, превратилась в ведьму, когда ей не достался мопед!

Я говорил, что американцы непосредственны. Такими они к были на экране. Но их радость и горе имели зловещий смысл. Они обнажали себя до кишок, были предельно органичны — до омерзения. «Публичное одиночество» (по Станиславскому) служило символом их подлинного одиночества в бездушном мире вещей. Их поведение было не чем-то сугубо индивидуальным, но в одинаковости, общности своей — уже и типической чертой социальной системы.

Прагматизм — философия капитализма. Джон Дьюи, воплотивший, как писали о нем в США, идеал американизма, утверждал, что нет ничего устойчивого, твердого, постоянного, кроме постоянной заботы о своей пользе, своей выгоде.

Прагматизм как мироощущение отчуждает человека от человечества. Больше дружбы, теснее любви связывает людей того мира основополагающий принцип: «Ты — мне, я — тебе, мы общаемся лишь потому, что общение выгодно».

Человек сам подчас не замечает, как вещизм вползает в душу, обесчеловечивая самые естественные порывы. С детства ему хочется мериться силами с другими — кто быстрее пробежит, кто дальше камень бросит. На этом выросло веселое и бескорыстное дело — спорт. Но, повзрослев, не ловит ли он себя порой на том, что его жаждой приобретательства движет принцип «быть не хуже, чем сосед, — не хуже, а лучше?». Это тоже своего рода спорт — состязание в вещной престижности. Оно подменяет сопоставление человеческих качеств сопоставлением качеств предметов и ярлыков на них.

Истинный спорт чужд прагматизма. Прагматизм отчуждает от человечества, спорт воссоединяет. В этом я лишний раз убедился на чемпионате мира в Оттаве.

«Ну, хорошо, — думал я, — мне дороги Роднина и Зайцев. Ира Роднина, как есть, — с ее искристым смехом и умудренной грустью, с внезапной свирепостью, со щемящей искренностью и нежеланием, неумением обходить в жизни острые углы, с поразительным трудолюбием, с бескорыстием и бесстрашием. И Саша Зайцев — невозмутимый, практичный, непринужденный, лукаво наблюдательный, мастак на смешные прозвища. Мне дорога Лена Водорезова — спортсменка, что называется, милостью божьей, обладательница уникального дарования и уникальной уверенности в себе. Та Водорезова, о которой Роднина однажды сказала, что если бы ей, Родниной, вот сейчас почему-либо пришлось навсегда покинуть каток она все, что осталось в ней, все до донышка, отдала бы Лене. Мне дорог Игорь Бобрин с его стихами и гитарой, с чаплинским юмором показательных номеров и собственной — как у чаплинских героев — забавной неудачливостью, которую он так мужественно преодолел, став в этом году одним из самых заметных на мировом льду одиночников...

Мне дороги все они, как дороги вам, читатель.

И потому, думал я, здесь, в Оттаве, я счастлив, коль счастливы они, страдаю, коль они страдают.

Но почему их радость становится радостью десяти тысяч окружающих меня людей — здесь, в зале «Сивик центр»? Что этим десяти тысячам удачные прыжки, тодесы, поддержки и подкрутки — хоть цент прибавят? Нет ведь, не прибавят.

Конечно, люди на трибунах понимают, что за прыжками и подкрутками любого — будь он канадец или новозеландец, русский или японец — стоит труд. Они этот труд уважают и отдают ему дань. Конечно, они азартны, и их увлекает сама борьба. Конечно, в них развито эстетическое начало, их пленяет красота движений. Но есть нечто большее. Есть некий импульс, посылаемый со льда на трибуны. Его не уловить тончайшими приборами, но он есть.

Учеными установлено, что у болельщиков непроизвольно сокращаются именно те мышцы, которые действуют во время состязаний у спортсменов, за которых они болеют. Но я не об этом.

Я о душевном импульсе, о чувствах, вызывающих с о ч у в с т в и е, переживаниях, заставляющих с о п е р е ж и в а т ь. Радость или горе спортсмена, сообщаясь зрителю, возвышает его и очищает, оно искренно и влечет искренний ответ, оно чуждо прагматизма, чуждо эгоизма. Эта радость и это горе, вливаясь в каждого зрителя, во всех, объединяет их, наполняя, если вдуматься, сознанием нашей общей родственности — людской.

В соседнем секторе в течение всего чемпионата я видел благообразного господина в бархатном вечернем костюме, с бабочкой. Я его заметил, потому что он то и дело поглядывал в нашу сторону, словно собираясь и не решаясь заговорить. Я выяснил из любопытства, кто он. Крупный промышленник, меценат, владелец катка. Он все-таки подошел — когда все кончилось, после показательных. Церемонно пожал руки мне и другим советским журналистам и сказал, что поздравляет. Не с победами даже, а с тем, что, с его точки зрения, ценнее спортивных побед. Умение вызывать к себе симпатию, он сказал, чрезвычайно важное качество. Он деловой человек и знает, какое это важное качество.

...Накануне отъезда в Оттаву, читая сообщения об антисоветской кампании в Канаде, мы, откровенно говоря, опасались, что нашим фигуристам прием будет оказан, по меньшей мере, прохладный...

И мартовский ветер с Гудзонова залива, покрытого льдом, нес холод и снег, и настроение поначалу было тускловатое...

В готическом парламенте, которому чисто косметическими средствами старательно придан многовековой облик, шумели воинственные джентльмены типа Джелинека, и политические телеобозреватели, слегка подмоложенные с помощью косметики, шумели, и многостраничные газеты зло шуршали петитом.

Люди читали, слушали. А потом приходили в зал, где их убеждали совсем в другом, отнюдь не преследуя специально агитационно-пропагандистских целей.

Десять тысяч зрителей, как один, вставали с мест и разражались овациями. На улицах потихоньку принимались журчать ручьи, напоминая, что Оттава как-никак лежит на широте Феодосии.

Что же касается деревянного полицейского, то он так и не нашелся. А жаль — он был довольно симпатичен в своем красном мундире. Во всяком случае, безобиден — в отличие от живых коллег в твидовых пиджаках.

Станислав **ТОКАРЕВ**

ем-12

5 июня 1898 года родился великий испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка. Фашисты расстреляли его, когда ему было тридцать восемь.

Нынешний год — год восьмидесятилетия со дня рождения поэта — ЮНЕСКО предложила назвать годом Лорки. В этом номере мы публикуем рисунки по мотивам творчества Лорки советского художника Николая Эстиса и новые переводы стихов поэта, выполненные Павлом Грушко.

поле

Пепельный небосвод.
Платиновая олива.
И чернее смолы
опаленная нива.
Кровь пунцово спеклась
в свежей ране заката.
Будто бумага в ком —
бледное взгорье смято.
Ветер дорожную пыль
сносит в темные пади.
Мутные мчат ручьи,
спят озерные глади.
К серым сумеркам льнет
розовая прохлада.
С теньканьем бубенцов
возвращается стадо.
Свесил чигирь, отмолясь,
четки ковшей лениво.

Пепельный небосвод.
Платиновая олива.

пейзаж

Рите, Конче, Пепе и Карменсике

Вечер, плутая по саду,
кутается в прохладу.

А за окном запотелым
смуглеют детские лица,
смотрят, как желтая крона
птицами тяготится.

Вечер, с рекой в обнимку,
спит и дышит медвяно.
И мреют на черепице
яблочные румяна.

плач

На колокольнях
желтых
ожили колокола.

Раскрылись на ветрах
желтых
гулы, как купола.

В пожухлом венке из лилий
смерть
устало бредет
и поет, и поет, —
щиплет свою гитару,
белую, словно лед,
и поет, и поет.

На колокольнях желтых
смолкают колокола.

На парусах серебристых
по ветру пыль поплыла.

поминание

Осокорь,
мой осокорь,
заткан золотой
тоской.
Ты безумцем был
зеленым,
птиц качал
под небосклоном.
А под августовским небом
ты нахохлился, затих,
так же, как и я, — под небом
алых горестей моих.
Веток
гиблый аромат
приютить я в сердце
рад.
Мы с тобой,
усталый старец-осокорь,
золотою оба затканы
тоской.

Индекс 70781
Цена 25 коп.